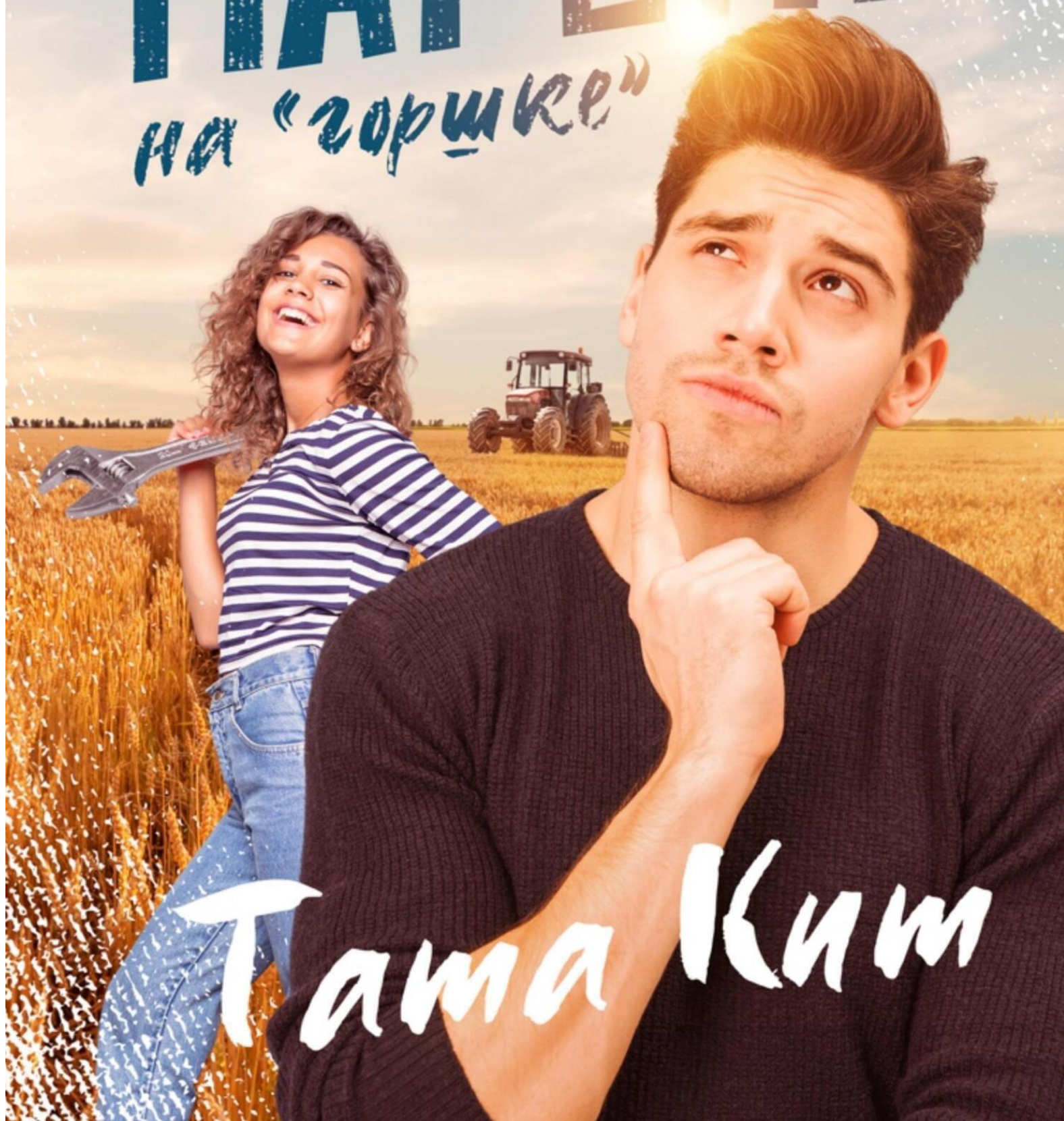

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ

на «горшке»

Тата Ким

Тата Кит

Первый парень на «горшке»

«Автор»

2022

Тата Кит

Первый парень на «горшке» / Тата Кит — «Автор», 2022

Он относится к тому типу молодежи, которую принято называть «золотой». Цинизм, самоуверенность, нахальство – то, из чего состоит мальчишка, которому всё достаётся по щелчку пальцев. Но однажды волею судьбы (при помощи собственного идиотизма) ему довелось увязнуть в грязи на новой машине посреди пшеничного поля. Она – простая сельская девчонка, которая оказалась единственной, кто пришла ему на помощь, с трудом сдерживая желание переехать этого зас... зазнавшегося сноба трактором. И на этом всё могло бы закончиться. Но обстоятельства вынудили «золотого мальчика» погрузиться в суровые сельскохозяйственные будни на несколько дней. Способен ли труд сделать из мажора человека, или ему не поможет даже «палка»?

Содержание

Глава 1. Рамиль	5
Глава 2. Августина	12
Глава 3. Августина	17
Глава 4. Рамиль	23
Глава 5. Рамиль	26
Глава 6. Августина	30
Глава 7. Рамиль	33
Глава 8. Рамиль	35
Глава 9. Рамиль	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Тата Кит

Первый парень на "горшке"

Глава 1. Рамиль

– Где тебя носит, идиот?! – гремит голос отца из наушника.

– Я занят, – отвечаю ему в тон, мысленно молясь о том, чтобы он не услышал звуки сирены машины ДПС, что, за каким-то чертом, увязалась за мной.

Бросив беглый взгляд в зеркало заднего вида, вдавливаю педаль газа в пол. Движок ревет. Затылок вжимает в подголовник. Кровь кипит в ушах вместе с батиным голосом.

– Чем ты там занят, сопляк?! Опять тебя потом из ментовки выкупать после твоих «занятий»?

– Продлишь абонемент в комнату в клеточку. Тебе не привыкать.

Воспользовавшись тем, что машина инспекторов, наконец-то, значительно отстала, сворачиваю в первый же попавшийся поворот на этой пустынной дороге за чертой города и бедности.

Тачку заносит, зад ведет в сторону, но я выравниваю ее и еду по колее, продавленной колесами проезжающих здесь иногда машин.

Предусмотрительно вырубаю фары, чтобы «друзья» из ДПС не смогли меня заметить в высокой траве с главной дороги.

– Абонемент?! – напомнил о себе отец в моем ухе. – Для тебя это шуточки, что ли? Думаешь, мне весело каждый раз кланяться перед пузом со звездой и класть ему на лапу, чтобы она не похудела?

– Ну, да, – хмыкаю я. – Гораздо веселее склонять девушку сына под своё пузо.

– Рамиль! – почти на визг переходит отец.

– Мне некогда. Пока, – сбрасываю вызов и швыряю наушник на пассажирское сиденье.

Сжимаю руль обеими руками и снова давлю на газ, надеясь на то, что это пшеничное поле никогда не закончится. Очень хочется, чтобы эта дорога была взлетной полосой, которая позволит мне улететь от опостылевшей реальности подальше и на максимально долгий срок.

Я только что из клуба. В крови кипит злость, смешанная с алкоголем и адреналином после погони. Не стоило, наверное, показывать ребятам из ДПС пачку презервативов вместо прав. А еще не стоило говорить им, что это их персональные зеркала, которые попросил им передать Санта.

Машина на скорости вязнет в чем-то мягком и безрезультатно молотит колесами. Продолжая давить на газ, открываю дверцу и смотрю вниз, где вижу, как под светом луны блещет лужа грязи.

Бью ладонями по рулю. Жму на газ снова и снова, пытаюсь в раскачку выбраться из черной жижи.

Безрезультатно. Тачка лишь сильнее вязнет колесами и вовсе встает колом.

– Зашибись, твою мать!

Хлопаю дверцей и беру телефон с панели. Набираю номер Влада, который сейчас должен быть в том клубе, из которого я уехал около полчаса назад.

– Рам! Ты чё так рано свалил? Туса в самом разгаре! – вопит в трубку друг.

– Слушай, Влад, – стараюсь перекрыть музыку, что бьёт в самое ухо. – Я тут за городом встрял в грязь. Можешь меня вытащить?

– А чё ты хотел? – ржёт парень. – За городом только грязь и есть.

– Это точно, – невесело смеюсь и вновь пытаюсь надавить на педаль газа. – Приедешь, нет?

– Не, Рам, сорян. Тут такие тёлочки рядом! Не могу их оставить. Сам понимаешь...

– Ясно, – сбрасываю вызов и набираю номер другого друга, который тоже в этом же клубе. – Алик, ты на ногах еще можешь стоять?

– Рамик, брат! – восторженно кричит он. – Что случилось? Для тебя, что угодно сделаю.

– Я тут за городом в поле застрял, прикинь?! Можешь приехать и вытащить. Тачка по пороги в грязи.

– Брат, прости, – горько выдыхает Алик. – Я обещал отцу, что за руль больше бухой не сяду. Иначе без тачки и денег останусь. Он же только неделю назад меня от срока отмазал.

– Ясно, – снова сбрасываю вызов и швыряю телефон на пассажирское сиденье.

Отцу звонить уже не вариант. Да я бы и не стал. Выслушивать нотации понимать, что он чувствует себя при этом победителем – ну, уж нет.

Включил свет фар. Две колеи накатанные прямо передо мной. Две позади. И я в луже.

Классный вечерок получается.

Делать нечего. Нужно попытаться хоть как-то вытащить себя из этой ж... жижи и вернуться в город, в клуб.

Белый кроссовок увязает в грязи и наполняется теплой грязью, едва я выставляю ногу из тачки.

– Твою мать! Три тысячи баксов в дерьмо!

Вторая нога в белом кроссовке повторяет тот же путь.

– Чёрт!

Озлобленно хлопаю дверью и захожу за машину. Зная, что ни к чему это не приведет, упираюсь ладонями в крышку багажника и пытаюсь вытолкнуть тачку из грязи, но она не сдвигается ни на сантиметр.

– Класс! – выплевываю иронично и, выпрямившись, озираюсь по сторонам.

Ни одной машины поблизости. Только удаляющийся вой сирен по главной трассе примерно в километре от меня.

Остались только я, тачка, лужа, грязь и пшеничное поле, часть которого, либо сожрала саранча, либо уже кто-то скосил.

Луна над башкой чётко подсвечивает единственного идиота на этом поле – меня.

Резко хлопаю ладонью по шее, когда остро ощущаю на ней укус.

Еще немного и меня сожрут комары, рожа покроется волдырями, а на опознании, когда меня, наконец, найдут у этой лужи, меня смогут узнать только по кроссовкам и красной тачке.

Очень плохая была идея – выпустить пар, проехавшись по городским улицам.

Нервно дёрнув плечами, вновь прыгаю в машину и жму на газ, возможно, наивно веря в то, что если очень сильно захотеть и не сдаваться, то можно выбраться из сложившейся ситуации.

В итоге – машина сдаётся раньше, издав напоследок странный захлёбывающийся звук.

– Чтоб тебя!

В сердцах бью по рулю ладонью. Тупая боль от удара зарождает в голове вспышку необъяснимой ярости, из-за которой я начинаю бить кулаком не только по рулю, но уже и по панели, по соседнему креслу и даже по потолку машины, которая служит сейчас для меня, ничем иным, как боксёрской грушей. Бью больше уже не из-за досады или злости на сложившуюся ситуацию, а от ненависти ко всему, что меня привело в эту грёбаную лужу посреди поля.

Кажется, я слишком долго терпел и держал в себе обиды и травмы, показательно сверкая выбеленной улыбкой. Может, оно и к лучшему, что всё это дерьмо выплёскивается сейчас в поле, а не среди тех, кто привык видеть меня с улыбкой, которая стерпит всё.

Когда кулак начинает саднить, обхватываю руль руками и утыкаюсь в него лбом. Закрыв глаза, пытаюсь усмирить дыхание и заходящееся бешеным ритмом сердце, которое, похоже, тоже решило отыграться за всё, стуча по рёбрам.

Когда не остаётся сил даже на злобы, выхожу из машины, уже не заморачиваясь о том, что по щиколотку в грязи. Смотрю по сторонам, взвешивая решение просто пойти пешком до города. И плевать, что до него тащиться около семидесяти километров. Ночь длинная, луна яркая...

Хлопаю дверью и краем уха улавливаю тарахтящий звук, который, очевидно, приближается ко мне.

Вскидываю подбородок и смотрю туда, откуда доносится звук. Оттуда я приехал и сейчас оттуда же едет что-то, что, наверное, является трактором или подобного рода сельскохозяйственной техникой.

Приходится ждать и надеяться на то, что приближающееся «чудо» техники выдернет мою машины из грязи и, хотя бы, оттащит с проезжей части, чтобы её не смогло переехать другое подобное «чудо» техники.

Опираюсь задом о багажник, скрещиваю руки на груди и просто смотрю вдаль, ожидая появления техники.

Вот появляется свет прожекторов. Так ярко фары в глаза не лупят и они точно не должны находиться на крыше.

Хотя, кто знает, как тут на селе у простолюдинов всё устроено?

Слегка сощурившись, наблюдаю за приближением трактора. Очень громкого трактора. В таком, наверное, нужно сидеть в специальных наушниках или в шлемофоне, либо молиться о том, чтобы барабанные перепонки не полопались.

Вот трактор оказывается передо мной полностью и, кажется, не торопится сбавлять скорость, когда до меня остается несколько десятков метров. Руки скрещенными на груди уже не получается держать. Ноги напрягаются, а взгляд сам собой лихорадочно мечется по сторонам в поисках направления, в которое я вот-вот прыгну, чтобы меня не переехало этой махиной, за рулем которой, походу, какой-то бухой придурок.

Но, когда я уже почти прыгнул в ту сторону, где пшеница еще не скошена, с мыслью о том, что, в случае чего, в ней же и спрячусь, как трактор останавливается, а громоподобный движок постепенно затихает и вовсе глохнет. Только свет прожекторов на его крыше всё так же бьёт в глаза.

По блику сбоку трактора понимаю, что кто-то открыл дверь. По глухому короткому удару о землю понимаю, что этот кто-то с него спрыгнул. В свете прожекторов, от которого уже начинают слезиться глаза, замечаю силуэт щуплого мужика в висящей на нем рубашке и в кепке, что сидит на его башке как тазик.

– Слушай, мужик, – обратился я к нему первый, силясь определить, где у этого силуэта могут быть глаза. – Оттащи меня на трассу. Или, хотя бы, из этой грязи дёрни.

– Мужик? – фыркает недоразумение в кепке, и я понимаю, что голос у него очень даже женский. – У тебя глаза грязью закидало или городские мальчишки, разъезжающие на красных машинках, не знают, как выглядят девочки?

– Я думал, ты мужик, – опешил я на секунду.

– А сейчас что думаешь? – спросила она, подойдя ближе.

Теперь под козырьком кепки мне стало видно её лицо. Обычное. Сразу видно, что деревенское: чуть пухлые щеки, будто ещё с утра не дожевала взятый с печи пирожок; губы – нижняя пухлее; нос чуть вздёрнут, будто бы надменно; и глаза, что смотрели на меня со злостью и раздражением. В общем, на любителя тёлка.

– Может, водителя позовёшь, и я с ним переговорю? – кивнул я в сторону трактора.

– А я смотрю, ты не сдаешься, – хмыкнула колхозница. – Тупишь до последнего.

– В смысле?

– Труссы свисли, – бросила она резко и вздохнула так, будто её уже утомил этот разговор. – Я и есть водитель этого трактора.

– Ты?! – выплюнул я скептически и окинул её оценивающим взглядом.

– Я, – ответила она беспристрастно и тут же скрестила руки на груди, смерив меня взглядом, в котором чётко читалась угроза. – Что-то не так?

Походу, она чёкнутая. Не уверен, что с такой стоит связываться, особенно тогда, когда на часах почти полночь.

– Да не, – качнул головой. – Всё нормально.

– Ну, и? – спросила девка с нажимом, а я рефлекторно напрягся, ожидая возможного нападения неадекватной.

– Что, и?

– Мне переехать твой красный обмылок или, всё-таки, выдернуть из грязи? Ты ведь об этом просил мифического мужика или передумал?

– Можно и выдернуть. Только моя тачка не заводится.

– Боже, – выдохнула она устало и, кажется, даже закатила глаза. – Трос есть? Хотя... – махнула рукой. – Кого я спрашиваю? – резким движением почесала лоб под кепкой. – Садись за руль, сейчас дёргать буду. Припаркую тебя у своего дома.

– Зачем? – кажется, я начинаю реально её бояться.

– Это же очевидно: чтобы разобрать тебя и твою машину по запчастям, а затем продать.

– Не смешно.

– Поэтому никто и не смеется, – бросила она и двинулась к трактору. Где-то на подножке добавила. – Постарайся не дёргаться и не попасть мне под колёса, и найди место, за которое можно зацепить трос.

Молча проследил за тем, как она взобралась в трактор, хлопнула дверью и оглушила громоподобным движком всю округу.

Машинально встал грудью на защиту машины. Мысль о том, что она меня переедет, никуда не делась, а лишь окрепла после нашего корявого диалога.

Но, к счастью, ненормальная объехала меня по дуге и встала напротив капота моей тачки. Не заглушая тарахтящий движок, спрыгнула с подножки трактора прямо в лужу, даже не заморачиваясь о грязи и брызгах. Конечно, ей-то чего бояться в вещах, снятых с пугала? Сорвала трос с заднего крюка и подошла к моей машине, выжидательно глядя.

– Что? – спросил я непонимающе, тоже подойдя к капоту.

– Ты трос в зубы возьмёшь или, может быть, уже прицепишь к машине?

Почему в каждом её слове я слышу, что я идиот?

Не желая вступать с ней в дальнейший диалог, выхватываю из её руки трос и цепляю за передний крюк. Теперь моя очередь смотреть на нее как на идиотку и ждать, когда возьмёт второй его конец и подцепит к своей грязной машине.

Это почти даже удивительно – она реально водит трактор. Внутри кабину никого нет.

– Так зачем ты меня у своего дома парковать собралась? – не выдерживаю я, пока она проверяет крепление на прочность.

– Папа посмотрит твою машину. Сам ты, походу, ничего не соображаешь. А с моим папой есть шанс, что ты сможешь отсюда уехать еще через полчаса. Если, конечно, опять не сядешь в лужу, – столько язвительности и пренебрежения, сколько сейчас было в её тоне, я еще не слышал.

Открыл дверь своей машины и сел в салон.

Трактор вновь взревел.

Интереса ради я решил снова завести свою машину, но ничего не вышло. Вообще глухо. Только приборы моргнули и всё.

Трактор плавно тронулся с места, трос постепенно натянулся, а затем я оказался вытянут из лужи.

Еще около двух километров по темному полю под яркой луной меня тянула за собой стрёмная психичка, мотивы которой были так же прозрачны, как ее грязный трактор.

Только когда мы въехали в какую-то зловещую деревню с силуэтами домов и даже цветов вдоль дороги, я относительно успокоился, перестав думать о том, какая именно «запчасть» меня выйдет всего дороже.

Во всех домах на нашем пути в окнах было темно. Только у одного дома было ярко освещено узкое крыльцо и именно у этого дома тащащая меня машина и остановилась.

Девчонка открыла дверцу трактора, резво спрыгнула с подножки и вбежала в дом, скинув прямо на крыльце что-то похожее на сапоги, взятые у Кота в сапогах. Пока её не было внимательно осмотрел дом, территория которого, как и всех домов, что мы проехали, была огорожена лишь редким низким забором, выкрашенным, кажется в белый цвет. Цветы, какие-то садовые фигуры, которые в темноте выглядели как посланники Ада, качели, скамейка, лебеди из покрышки...

– Убожество, – сорвалось с моих губ брезгливо.

Откинулся затылком на подголовник и прикрыл глаза. Чтобы хоть как-то взбодриться в эту тягучую, скучную полночь, потёр лицо ладонями и с силой зажмурил глаза. Мозг, вроде, перезагрузился.

Снова вернул внимание крыльцу, и нога, лежащая на педали газа, сама собой дернулась. Эта чёртова психичка вела за собой какой-то шкаф в майке, в углу рта которого была зажата дымящаяся сигарета, а квадратное его лицо выражало только перечень уголовных статей, по которым он, сто процентов, отбывал срок и не единожды.

Теперь слова о разборе меня и машины на запчасти точно не казались мне шуткой.

Широкой тяжелой походкой этот мужик подошёл к машине с водительской стороны и ударил по крыше прямо над моей головой, когда я не вышел.

– Ты машину не только завести не можешь, но ещё и выйти из неё не получается? – густой низкий голос привёл меня в чувство.

Оторвал руки от руля и с опаской вышел из машины.

– Здравствуйте, – на всякий случай поздоровался, когда мужик в компании своей дочери молча испепеляли меня недовольными взглядами.

Он был на голову выше меня. Наверное, за метр девяносто.

– Ну, здорово, – насмешливо фыркнул мужик и своей ручищей пожал мою ладонь так, что на несколько долгих секунд я перестал чувствовать пальцы. – Что там у тебя? Показывай, – указал он подбородком на капот и без помощи рук перекинул сигарету с одного уголка губ на другой.

– Не заводится, – резюмировал я коротко и открыл перед ним капот. – Чихнула в грязи и заглохла.

– Угу, – протянул мужик и склонился к мотору. – Фонарик хоть дай. Что встал? – рыкнул он внезапно.

Неожиданно для самого себя сразу метнулся к тачке и достал с пассажирского кресла телефон, молниеносно включив на нём фонарик. Подсветил под капот.

– Етить... – тихо присвистнул мужик и уперся ладонями в борт.

– Да, – заявил я гордо. – Моя малышка – что надо.

– Эта игрушка, вообще, ездила хоть раз сама? – резко и даже брезгливо осёк меня мужик. – Или ты так прицепом и кочуешь по сёлам?

За спиной послышался тихий смешок – его дочке было несказанно весело.

– Это самая быстрая тачка в области, – разозлился я. – Я если бы не лужа в вашем колхозном поле, то она бы не заглохла.

– Ясно, – качнул мужик головой. – Машина, наверное, хорошая, вот только водителя бы ей с головой и глазами, чтобы видел, куда едет.

– В темноте непонятно, – ошетинился я в ответ.

– Мда, – философски изрёк мужик, всё ещё пытаюсь разглядеть что-то под капотом. – Без бутылки тут не разберёшься. Короче, давай утром твою игрушку посмотрим. Я с пяти утра в поле был, а сейчас после бани хочу спать, а не ковыряться в чем попало.

– А мне что до утра делать? – опешил я.

– В зале тебе постелем. На диване, – решил за меня мужик.

– В зале? Это, типа, в спортивном?

– В концертном, – посмотрел он на меня как на дурака и захлопнул капот, заставив сердце сжаться в страхе оттого, что краска с машины может облететь. – Положим тебя аккуратно между баяном и балалайкой.

Перевёл взгляд на девчонку, пытаюсь понять, насколько её отец сейчас серьёзен.

– Господи, – вздохнула она. – Зал – это, по-городскому, гостиная.

– Понятно, – дёрнул я бровями. – Я, пожалуй, вызову такси и эвакуатор.

– Думаешь, сюда в полночь через ту лужу проедет кто-то ещё кроме трактора? Вряд ли есть второй такой дурачок, как ты, – хмыкнул мужик. – Тебе придётся идти сейчас пешком к той луже и ждать такси. А там ночь, поле, волки, а ты вон какой красивый.

Он явно издевался надо мной, но даже от понимания этого, всё равно, стало не по себе.

Молча взвесил все «за» и «против». Посмотрел по сторонам, на другие дома. Прикинул, насколько сильно я рискую, а потом вдруг понял, что будет полезно пропасть на ночь в этой заднице мира, чтобы батя не чесал мои нервы хотя бы до завтрашнего обеда. Как раз телефон скоро «сдохнет».

– Хорошо, – согласился я. – Сколько с меня за ночлег?

– А это, смотря, как ты переночуешь, – чуть сощурился от дыма сигареты мужик и обратился к девчонке. – Гүся, пустим его?

Неконтролируемо прыснул, не успев даже поймать смешок. На меня тут же уставились две пары черных глаз.

– А полное имя как? – спросил я, стараясь стереть с лица насмешку. – Гусыня?

– Августина, – ровным тоном ответила девчонка. – Мог бы что-нибудь поумнее придумать. Хотя, это же ты, – смерила меня ядовитым взглядом.

– Ещё хоть слово болтнёшь в подобном духе, – указал в мою сторону её отец с зажатой между пальцами сигаретой. – Оставлю ночевать в будке у Байкала, а укрываться будешь своей плоскодонкой. Компренде?

– Понял, – сжал челюсти, предпочитая не спорить. Алкашка из меня ещё не выветрилась, да и спать хотелось сильнее, чем выяснять отношения с каким-то колхозником и его дочкой. Переночую и утром свалю раньше, чем они успеют проснуться.

Поставил машину на сигнализацию.

– Я Николай Николаевич, это моя дочь Августа. Тебя как звать, кучерявый? – спросил мужик, заходя на крыльцо и туша сигарету в старой консервной банке, в которой уже было полно окурков.

– Рамиль, – ответил я спешно, снимая, как и они все, обувь на круглом коврике на крыльце.

– Татарчонок, что ли? – глянул на меня мужик.

– Пап! – осекла его девчонка.

– Нет, – ответил я. – Просто мама так назвала.

– Ясно, – вздохнул Николай Николаевич и помял широкой пятерней свою шею, быстро потеряв ко мне интерес. – Гүся, дай ему постельное. И это, я недавно баню подкинул, и, если захочешь есть, там на столе...

– Поняла. Спасибо, пап.

– Ладно. Тогда я спать, – прокряхтел он, идя в комнату. Схватившись за ручку двери, посмотрел на меня с ноткой угрозы в темных глазах. – Спи как дома, но не забывай, что не дома – не вздумай пердеть.

– Х-хорошо, – сощурился я, пытаюсь понять, насколько он сейчас серьёзно говорит мне об этом.

– Соображаешь, – наконец, одобрительно кивнул он и закрылся в комнате.

Девчонка без особых церемоний позвала меня за собой в большую комнату с диваном, которая, видимо, и была тем самым «залом». Достала из высокого шкафа постельное и швырнула его на диван вместе с подушкой.

– Инструкция нужна или сам справишься? – спросила она, сняв с головы кепку. По плечам рассыпались черные волосы, но краше её это не сделало.

– Сам справлюсь.

Коротко кивнув, девчонка устало поплелась в комнату рядом с той, в которой спал её отец. Через несколько минут вышла с полотенцами и, вообще, вышла из дома.

– Ну, и семейка, – буркнул себе под нос и коряво заправил постельное.

Стянул пуловер, швырнул его в рядом стоящее кресло. Схватился за ремень джинсов, но быстро отбросил эту идею, поняв, что лучше остаться в штанах в компании малознакомых людей.

Поверх постельного завалился на диван и протяжно выдохнул, чувствуя, как расслабляются мышцы. Лениво осмотрелся в темноте комнаты, но не увидел ничего кроме бюджетности, простоты и безвкусицы. Быстро потеряв ко всему интерес, прикрыл глаза и даже почти уснул, но внезапный щелчок входной двери заставил приподнять голову и увидеть, как в темноте коридора с телефоном в руках прошла девчонка в одном полотенце на теле и с тюрбаном на голове.

Насторожился. Мало ли, что на уме у этой психички: всё-таки, её батя прав – я красивый. Поэтому, бдительность лучше не терять до самого утра.

Глава 2. Августина

Не стараясь быть тише, налила себе кофе, хлопнула дверью холодильника и села за обеденный стол, на котором уже ждал меня и папу горячий завтрак: отварная картошечка с зеленым луком, политая домашней сметаной, малосольные огурчики, котлеты, сало, помидоры в собственном соку, сырники лепешки и молоко – всё своё, всё домашнее. Нет, так шикарно мы с папой, конечно, не завтракаем, тем более в пять утра, просто всё это, сразу после нашего небольшого перекуса, будет расфасовано по контейнерам и убрано в рюкзаки, чтобы до вечера, пока мы оба в полях, было чем перекусить, так как выезжать домой ради котлеток, когда работа кипит, никто не станет.

Отпила кофе и повернула голову на диван, где всё ещё спал Рамиль, второе имя которого – высокомерный ушлёпок. Странно, что он меня не узнал. Я думала, что официантка, которая выплескивает в лицо апельсиновый сок, хоть сколько-нибудь запоминается. Но нет. Он слишком красивый, чтобы быть умным.

Надо было, всё-таки, переехать его ночью на тракторе. Я так сильно хотела это сделать, когда узнала его, что с трудом остановила трактор. Папа воспитал меня иначе, поэтому пришлось помочь. Правда, я не ожидала, что помощь растянется настолько, что этот пень кудрявый будет спать в доме моего отца.

Спит-посапывает, одеяло в пододеяльник не заправил – маникюр, наверное, побоялся испортить. Одна его рука согнута в локте и спрятана под кудрявой башкой, вторая – покоится ладонью на плоском обнаженном животе. Край джинсов с ремнем торчат из-под пододеяльника, как и одна нога, голая пятка которой так и просится, чтобы в нее воткнули вилку.

Обхватила горячую кружку руками и отвернулась к окну, снова поймав себя на желании переехать его трактором.

Снова отвернулась от окна только когда папа вышел из ванной комнаты и сложил газету, оставив её на комод. Подошёл к парню и склонился над ним с легкой усмешкой на немного помятом после сна лице.

– Спит хорёк, – насмешливо протянул папа и потянул парня за кучерявый локон, тут же его отпустив. – И от какого стада этот баран отбилась?

– От элитного и бестолкового, – буркнула я и снова пригубила кофе. – Буди его. Я шумела, но он, всё равно, не проснулся.

– Может, он глухой?

– Тупой, – бросила я, возможно, резко. – Просто, скорее всего, он в пять утра планировал только лечь спать, а не просыпаться.

– Ну! – шикнул на меня папа шутливо. – Ты, Гусыня Николаевна, так про нашего гостя не говори!

Угрожающе сощурила глаза, но не смогла сдержать улыбку, видя, как шкодливо папа улыбался мне.

– Буди его, и пусть валит. Нам скоро ехать.

– А позавтракать нашему гостю не дашь?

– Он не заработал.

– Ну, – покрихтел папа и развел руками. – Прости, кучерявый. Хозяйка сказала, что на завтрак тебе положена только роса с капота твоей женской машинки, – замахнулся и несильно, но со звонким шлепком, ударил парня по щеке.

Кажется, я слышала, как щелкнула его челюсть за секунду до того, как он резко сел на диване и осмотрелся замутненными сном глазами.

– Ты чего это проснулся? – будто бы испуганно спросил папа.

Будто это не он только что шлёпнул спящего парня по харе и теперь злорадно улыбается.

– Я... – шумно вдохнул парень и потёр ушибленную щёку, видимо, пытаясь сообразить, приснилось ли ему или его реально кто-то ударил. – ... Выспался, – наконец, изрёк он и, почесав плечо, перевел на меня чуть хмурый взгляд. Слегка повёл темной бровью и посмотрел на свои ноги, стягивая с них пододеяльник. – Сколько сейчас часов?

– Пять утра. Петухи уже охрипли, пока ты тут дрыхнешь, – ответил папа. Обошёл диван и вошёл в кухонную зону, где налил себе крепкий сладкий чай. – Умывайся-подмывайся и пошли посмотреть твою женскую машинку.

– Она не женская, – буркнул недовольно парень и, взяв с кресла свою черную футболку, натянул её на торс.

Встал с дивана и пошёл в сторону ванной комнаты, вероятно, услышав оттуда шум воды в наполняющемся бачке унитаза.

– Ты куда собрался? – спросил его папа, едва парень успел коснуться дверной ручки.

– В сортир, – обернулся тот. – Это же он?

– И часто у вас, у городских, срут в кабинетах? – спросил папа, присаживаясь напротив меня за стол.

– В смысле? – нахмурился Рамиль.

– В прямом, – скушаяще ответил папа, накладывая себе на блюдо котлету и салат. Мельком посмотрел на меня и заговорщицки подмигнул. – Ты сейчас, не стесняясь, проснулся и пошёл срать в мой кабинет. По городским меркам, может, мой кабинет и напоминает чей-то сортир, но для меня это, всё-таки, кабинет.

– Я не ср... – осёкся Рамиль и нервно прочесал пальцами волосы. – И где у вас тут сортир?

– Догадайся, – фыркнул папа. – Ты же в деревне. Ну, шевельни мозгой, парень.

– На улице? – поморщился тот брезгливо.

– Тебя что-то смущает? – посмотрел на него папа. – В принципе, можешь завязать свой крантик и терпеть до города, если такой брезгливый.

– Как до него дойти?

– До чего? До принятия неизбежного? – веселился папа. – Ты уже близок к нему. А если до сортира – то на выходе из дома поворачиваешь налево, заходишь за угол и дальше по деревянной дорожке до самого теремка.

– Капец! – выдохнул парень недовольно. – А зимой вы как в туалет ходите?

– Как-как? – передразнил его папа насмешливо. – Как самосвалы: зашли, скинули, вышли. Если не боишься отморозить пальцы, то и потереться можно.

Спрятала улыбку в кружке.

Судя по пыхтению со стороны Рамиля, ему явно было, что сказать, но он предпочёл лишь брезгливо дышать и, наконец, вышел из дома, хлопнув дверью, как капризная девица, которой не дали блеснуть короной.

– Эх, – довольный собой, папа откинулся на спинку стула. – Наверное, надо было ему сказать, что там Байкал по двору бегает?

– Наверное, – повела я плечами и отразила папину злодейскую улыбочку.

– Может, пора проверить, как он там? – спросила я папу, когда прошло уже достаточно времени и наступила черта, после которой можно начинать паниковать.

Папа неопределенно повел плечами, допил свой чай и отставил в сторону пустую кружку:

– Если бы ему там было больно и страшно, он бы уже кричал и звал на помощь. А так – Рамилька не кричал, да и Байкал голоса не подавал. Стало быть, либо они друг друга не увидели, либо кто-то кого-то сейчас доедает.

– Папа! – выпучила я глаза и даже привстала со стула с твердым намерением проверить, куда этого дурика городского могло занести и всё с ним нормально.

Но, к счастью, услышала, как хлопнула входная дверь и вернула себе самообладание, когда парень, тяжело дыша, вошёл в кухню.

– Что-то ты долго, Рамилька, – подначивал его папа. – Веревку на днях проглотил?

– В смысле? – спросил парень, намыливая руки над кухонной раковиной. – Я ничего не глотал.

– Мда, – вздохнул папа разочаровано. – Тяжело нам с тобой будет. А ты где так долго пропадал-то?

– Нигде, – ответил Рамиль, с хмурым видом вытирая руки полотенцем. – Пса какого-то погладил. С голубыми глазами.

– Это наш – Байкал, – уточнила я, пока папа не начал строить теории заговора или еще чего.

Вообще, давно пора отпустить парня и не занимать ни его, ни, тем более, наше время. И без его персоны дел полно.

А вот сам парень, похоже, уже никуда не спешил. Даже несмотря на то, что выглядел он так, будто его поваляла в траве собака, он не казался мне особо раздраженным или злым. Скорее, просто терпеливо ждал, когда весь этот сюр, происходящий с ним, закончится, и можно будет уехать в городскую квартиру поближе ко всем благам цивилизации.

– Садись, позавтракай, да посмотрим, что там с твоей неженской машинкой, – выдвинул для него папа стул.

– Ладно, – вздохнул Рамиль. Вернул полотенце на крючок и сел за стол между мной и папой. – Но завтракать я не буду. Мне только кофе.

Сказал, сложил свои ручки белые на стол и ждёт чего-то.

Молча переглянулись с папой, пытаюсь понять, есть ли этому объяснение.

– У нас самообслуживание, – нарушила я, наконец, тишину. – Хочешь кофе или еще чего-то – встань и сделай себе сам.

– Тогда я ничего не буду, – будто бы обиделся парень и откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. – Посмотрите, что там у меня с машиной и я поеду.

– Со словом «пожалуйста», я смотрю, ты вообще не знаком? – спросила я прямо и поймала его недовольный взгляд, удерживая его так, что на моем лице не дрогнул ни один мускул.

Еще там на дороге, по уши в грязи, он не посчитал нужным вложить в свои слова оттенок просьбы, а, похоже, привычно подал всё так, что ему все обязаны.

– Пожалуйста, – едва-едва выдавил из себя Рамиль, слишком демонстративно сделав одолжение всем нам и, видимо, на физическом уровне больно себе, когда поморщился от сказанного им слова.

– Ну, раз ты так просишь, – сделал папа широкий жест руками и первый вышел из-за стола. – Пошли, посмотрим твою машину. Если повезет, то скоро уедешь.

Аки царская особа Рамиль поднялся со стула и пошёл вслед за моим папой.

Пока они о чем-то переговаривались на выходе из дома, наполнила чашку Байкала едой и тоже пошла на улицу, чтобы покормить пса перед долгим днем и дорогой.

Поставила Байкалу его еду, потрепала за ушами и подошла к папе, встав рядом с ним, пока он молча, уже при ярком свете дня, разглядывал содержимое под капотом.

– Всё равно ничего не понимаю, – покачал папа головой. – Вот у меня машина была – старый «жигуль» – ему под капот можно было вот так руку опустить и колеса достать, а у тебя тут непонятно, куда пальцем-то ткнуть можно.

– То есть вы мне не можете? – нервно спросил парень, морщась от солнечного света.

– Ну, как знать... – повел папа плечами и выпрямился, отряхивая руки. – Неси пульт управления от своей игрушки, могу батарейки из него пожевать, если дело в них.

Моя внутренняя оскорбленная принцесса ликовала, глядя на то, как Рамиль постепенно погружался в отчаяние.

– А других механиков у вас в деревне нет? – спросил он у папы.

– У нас в селе... – сделала папа акцент на последнем слове. – ...никто даже разбираться в твоей машине не станет. И так понятно, что ничего не понятно. Звони родителям или ещё кому, может, какой вездеход тебе подгонят.

Рамиль опустил взгляд на телефон в своей руке и, покрутив его, неожиданно нервно дернул плечом, после чего резко убрал мобильник в задний карман джинсов.

– Гүся! – окликнул меня папа. – Кажется, шишига тарахтит, народ собирает.

– Ой, сейчас! – спохватилась я, совсем забыв, что за мной вот-вот должны были заехать ребята и забрать на сенокос.

Вбежала в дом, собрала с собой продукты и про папу тоже не забыла, разложив ему все по контейнерам, чтобы он не собрал всё – и котлеты и конфеты – в один пакет, привычно сыронизировав, что «в желудке перегородок нет, так что какая разница в какой последовательности есть продукты». Сложила контейнеры в его рюкзак тоже и только после этого, прихватив с собой свою поклажу, косынку и бутылку воды, вышла из дома к как раз подъехавшей в эту минуту шишиге.

– Здравствуйте, Николай Николаевич! – почти синхронным хором поприветствовали моего папу все её пассажиры. Двигатель Витя, зачем-то, заглушил и выглянул из кабины. – Это у вас из комбайна, что ли, выпало? – кивнул он на красную машину, на защиту от чужих глаз которой своей грудью встал Рамиль.

Все парни и, особенно, девчонки сверкали неподдельным любопытством на недавно проснувшихся лицах, разглядывая невиданного ранее гостя в наших краях.

– Ага, – поддакнул папа. – Брелок себе сделаю.

Кажется, мой отец за эти короткие часы, что знаком с Рамилем, отточит мастерство подколов до совершенства. Не сказать, что раньше он был гораздо скромнее в своих высказываниях. Обычно доставалось всем моим друзьям и знакомым, но они знали и понимали, что это всего лишь шутка или тонкая шпилька, а вот городской мажорчик принимает каждое сказанное моим папой слово за чистую монету.

– Привет, Гүся! – поприветствовали, наконец, меня и отвлеклись от иномарки, когда я закинула к ним в кузов свой рюкзак.

– Привет, – ответила им и схватилась за протянутые мне руки парней, которые помогли перебраться через высокий борт машины.

– А это кто? – очень громко и не очень вежливо спросила Ленка, кивнув в сторону хмурого Рамиля. – Жених твой?

– Нет, – ответила твёрдо, не оставив явно заинтересовавшейся мажором девушке возможности позубоскалить.

– А тебе-то что, Ленка? – спросил её Витя, который, знаю точно, давно был в нее безответно влюблён.

– Да так... – протянула девушка кокетливо и уставилась прямо на Рамиля, накручивая на палец медную прядь волос. – ...жениха себе давно ищу, да чтобы на красивой дорогой машине был...

– У тебя от женихов «невеста-то» проветриваться успевает? – громко съязвил сидящий рядом со мной Лёха, который был ее одноклассником.

В кузове все громко рассмеялись.

Я тоже не смогла сдержать улыбку, зная, как и все, Ленкину натуру.

– А он немой, что ли? – не оставляла она попыток докопаться до мажора.

– Не твой, – буркнул тот, наконец, и мазнул по ней взглядом, в котором четко читалось отвращение.

– Ну, прыгай, – позвал его Лёха. – Нам лишние руки не помешают.

– Лёх, ну ты чё?! – нарочито возмутился папа. – Не видишь, какой красивый и причесанный к нам приехал? Какие ему сенокосы? Не для того мамка цветочек растила. Да, Рамилька?

– Хотите сказать, что мне слабо сухую траву в кузов покидать? – огрызнулся парень, грозно посмотрев на моего отца.

– Не слабо, что ли? – спросил папа и только сейчас по его ехидной ухмылке я поняла, что он специально подначивает парня.

Вот только зачем? Что ему это даст, если его даже на поле не будет, чтобы лично видеть, как городской изнеженный цветок будет страдать под солнцепек? В чем прикол?

– Не слабо, – с вызовом ответил Рамиль, удерживая бои взглядов с моим отцом.

– Ну, так прыгай в кузов. Любой дурак может с бравадой языком во рту слюни пенить. Ты делом покажи, что у твоих слов есть вес.

– Папа, – произнесла я с нажимом, намекая ему, что пора бы уже остановиться.

– А я-то что? – состроил он невинную рожицу. – Рамилька сам сказал, что сухой травы не боится. За язык его никто не тянул.

– Да легко, – фыркнул мажор и сам полез в кузов, отказавшись от протянутых ему в помощь рук.

Сел напротив меня и мазнул по моему лицу злым взглядом, будто это я заставила его повестись на папину практически детскую провокацию и закинула в этот кузов.

– Едем? – громко спросил Витя, чья блондинистая голова торчала из кабины.

– Подожди! – махнул ему папа и, подозвав к себе Байкала, поднял его к нам в кузов.

– Зачем? – округлились мои глаза, пока пёс с восторгом ластился в руках друзей, которых знал всю свою жизнь.

– Ну, а что? – повел он плечами. – Рамильку взяли, а Байкала – нет? Еще неизвестно, от кого там прока будет больше.

– Ты, может, ещё куриц на меня и гусей скинешь? – выпалила я раздраженно.

– Всё, Гүся, – отмахнулся от меня папа. – Не умеешь шутить – не начинай, – хлопнул ладонью по борту и громко скомандовал. – Езжайте!

Двигатель шишиги взревел, и мы тронулись с места. Отдаляясь от ухмыляющегося папы, без слов пообещала ему, что, когда вернусь, прикопаю его под кустом смородины.

Глава 3. Августина

В кузове шишиги устроились пять человек, Байкал, грабли, вилы и Рамиль с кислой мордой, будто ему лимонов в одно место напинали.

Ребята изредка бросали на него любопытные взгляды, но, видимо, более тесное знакомство решили оставить на потом, когда мы доберемся до конечной точки нашего маршрута, так как довольно проблематично заводить диалог даже между давно знакомыми, когда так ревет двигатель машины, двигающейся по абсолютному бездорожью.

Сразу на выезде из села, а если смотреть со стороны города – въезде, у окраины дороги стояли пять стройных берёз: пять из них одинаково высокие и две поменьше, а вокруг нет ни одного другого дерева, лишь недавно убранное пшеничное поле.

Эти берёзы – не просто деревья. У них есть своя история. Папа рассказывал, что, когда на наши земли пришла война, семь одноклассников из нашего села пошли добровольцами на защиту Родины от фашистов. Они уже давно отслужили своё, у них были семьи, дома, работа, но каждый из них понимал, что нужно стать той силой, что защитит их семьи и дома от угрозы. А перед тем, как уйти, они пообещали друг другу посадить берёзу за каждого невернувшегося из них с войны.

Пять гордых высоких берёз стоят вдоль дороги уже много лет, и каждый раз, проезжая мимо, с благодарностью и уважением задерживаешь на них взгляд.

Ехать до крайнего поля, на котором нас ждало последнее в этом году сено, было не так уж долго, но за это время можно было увидеть ровную степь, где паслись коровы и стадо лошадей; преодолеть узкую дорогу по лесу и выехать к реке, где по перекату нужно было ее переехать, затем небольшой пролесок и поле, на котором нас ждала скошенная больше недели назад трава.

Приходилось крепко держаться за борт, чтобы не выпасть из кузова. Мне нужно было держать и себя, и Байкала, у которого лапки и держаться он попросту не мог. Но, как выяснилось, у Рамиля тоже лапки, потому что на одном из ухабов его, уверенного в том, что он может просто балансировать, сидя на пятой точке, подбросило и приземлило рядом с Байкалом и, соответственно, у моих ног.

– Покруче американских горок, – буркнул парень, поднимаясь.

– За борт держись, – посоветовала я ему, пока он вставал, упираясь рукой о скамью, рядом со мной.

– Или за Ленку, – хохотнул Лёха. – Тоже крепкая доска.

– Дебил, – цокнула Лена и закатила глаза.

– Я тут вспомнил, – вклинился долговязый Стёпа в очках. – А телегу-то кто-нибудь догадался сюда пригнать? Или Витьку за ней возвращаться придётся? Она же пустая – за шишигой на перекате завернуться может. Трактор надо было.

На секунду друзья растерялись.

– Я вчера вечером о ней вспомнила, – уточнила я для всех. – Уже на поле нас ждёт.

– Мужик! – показал мне Лёха большой палец вверх.

– Кто, если не я? – нарочито кокетливо перекинула волосы с плеча на плечо и случайно поймала на себе взгляд Рамиля, который, едва заметно дёрнув тёмной бровью, предпочел в очередной раз выразить пренебрежение.

Мог бы уже начать вливаться в коллектив, с которым ему сегодня еще предстояло провести весь день, и разделить не только грабли и работу, но еще перекус и время.

*

– Вытряхиваемся, народ! – гаркнул Витя, когда двигатель был заглушен. Хлопок резко закрытой водительской двери разрезал воздух прохладного августовского утра.

Ребята лениво прыгнули с кузова один за другим, помогли девчонкам и начали разминать плечи и руки перед работой. Стёпа и Лёша стянули с кузова грабли и вилы, чтобы Витя мог отъехать к телеге, пока народ настраивается на работу. Я, Лена и Ксюша отошли к сосне и оставили в ее тени рюкзаки с продуктами для перекуса. Бутылки с водой подложили под рюкзаки, чтобы солнечное тепло их не касалось.

Повязывая на голове косынки, мы подошли к парням, которые решили, что пришло время познакомиться с новоявленной звездой.

– Я Лёха, – взял мой друг на себя ответственность произвести первое хорошее впечатление. Жалко только, что Рамилю это совершенно не нужно. Он только что разминался так, будто собирался победить в олимпиаде, а не просто сено с поля собрать. – Этот дрыщ в очках – Стёпа. Эта блондиночка в активном поиске – Лена. Следи рядом с ней за шириной, потому что поиск у нее очень активный. Вон, пеленгует уже рядом с тобой.

– Иди в задницу! – замахнулась на него девушка, но Лёха успел отклониться. – Там за рулём – Витёк. А рядом со мной – Ксюша. С ней тоже будь аккуратен, потому что она моя девушка.

– Когда это я успела стать твоей? – возмутилась Ксюша, но щеки ее стали пунцовыми. Между ней и Лёшей что-то намечалось с самого начала лета, но Ксюша у нас девушка скромная, даже немного пугливая, поэтому Лёше приходится стараться, чтобы расположить ее к себе.

– Ну. Так это... – на миг замялся друг. – ...на днях. Буквально завтра-послезавтра будет первый поцелуй. Ты за новостями вообще не следишь, что ли? – улыбнулся Лёха и мягко щелкнул смеющуюся Ксюшу по носу.

– За твоими, пожалуй, уследишь, – ответила девушка иронично. – Ты же постоянно болтаешь. Не переслушаешь.

– Я плету паутину из слов, в которую ты очень скоро попадешь и уже не выберешься.

Кажется, эти двое забыли, что здесь не одни.

– Эй, молодожены! – потрясла Ленка руками перед их лицами. – Вы свои прелюдия оставьте другому месту.

– Не твой, вот ты и бесишься, – подколот её Лёха и снова вернул внимание Рамилю, который, судя по слегка подергивающим бровям, не испытывал в нашей компании ничего, кроме пренебрежения к нашим скромным, совершенно не богемным персонам. – Ну, с Гусей ты знаком. Лакомый кусок...

– Сам ты кусок, – мягко ударила его кулаком в плечо, чем лишь повеселила всех.

– Лакомый же! – оправдался Лёха и снова обратился к хмурому мажору. – А тебя как зовут? Я у Гуськиного дома не расслышал.

– Рамиль, – ответил парень так, словно всем нам сделал одолжение.

– Ох, ё! – протянул Лёха и нарочито виновато хлопнул себя ладонью по груди. – Простите. А мы-то простые русские крестьяне не подготовились, псевдонимы заморские не взяли, Стёпка, да Ленка у нас только водятся.

– Не паясничай, – одернула я его.

– Не, правда, – вернул себе привычное лицо и интонации друг. – Тебя реально так зовут?

– Что-то не так? – спросил Рамиль, который слишком очевидно для всех выпустил шипы. Драки из-за имени нам только не хватало.

– Да, не. Всё классно. Просто не часто в наших краях встретишь забубенное имя, – ответил Лёха.

– А-то Августина – имя проще некуда, – фыркнул мажор.

Кажется, драки из-за имени, всё-таки, не избежать. Я ему точно втащу.

– Что-то не так? – передразнила я его недавнюю интонацию.

– Всё нормально, – ответила Рамиль равнодушно.

Повисло неловкое, гнетущее молчание. И это в компании, которая обычно не замолкает.

– Давайте уже работать начнем, ребят. Пока солнце жарить не начало, – весело, но все же напряженно, разбавила Ксюша непростой момент.

– Да, давайте, – сразу переключился на позитив Лёха и первым взял грабли.

Следом мы все разобрали себе орудия труда. Только мажор стоял и брезгливо разглядывал свои грабли, похоже, не зная, как их, вообще, держать.

Я не хотела к нему подходить, но понимание того, что кроме меня к нему никто не подойдет, заставило сделать эти шаги.

– Инструкция нужна? – спросила я, встав рядом с парнем.

– Почему у этих граблей деревянные зубчики? Это какой-то бюджетный вариант?

– Слушай!... – начала я излишне резко и сразу себя остановила, переведя дыхание. – Ты находишься в коллективе людей, которым наложить с высокой башни на то, какая у тебя большая корона на кучерявой голове. Если хочешь, чтобы этот день закончился для тебя нормально, и никто не сшиб с твоей башки корону ногой, то будь проще. Это не больно.

– Куда уж проще, – буркнул себе под нос этот бесячий тип и пошел туда, где Ленка уже гребла сено.

– Идиот, – выдохнула я устало и пошла в противоположную от него сторону к Лёхе с Ксюшей.

Молча начала грести вместе с ними. Витя и Стёпа собирали то, что мы нагребли, на вилы и отправляли в кузов шишиги.

– Я, конечно, не специалист в городских нанотехнологиях... – словно ненавязчиво шепнул мне Лёха и кивком головы указал в сторону. – ...Но, по-моему, твой новый друг сейчас насадит на грабли какого-нибудь крота.

Повернула голову туда, куда смотрел друг, и не смогла сдержать тихи отчаянный стон, когда увидела с каким остервенением Рамиль грёб уже даже не сено, а землю вместе с ним.

– За что мне это? – хныкнула я, идя к «умельцу».

Уже на подходе к Рамилю заранее приготовила себя к тому, чтобы не сорваться и не накричать на него. Мое предвзятое к нему отношение не должно перечеркивать адекватность человека, который понимал, что городской парень, вряд ли, осведомлен о том, как правильно грести сено. Да и мне не хотелось, чтобы ребята были в курсе подробностей нашего с ним первого отвратительного знакомства. Если они узнают, как этот парень на самом деле не умеет фильтровать то, что он говорит, то «теплый» прием от ребят ему будет гарантирован.

– Рамиль, – улыбнулась я притворно сладко, потому что в этот момент Ленка устала на нас во все глаза, будто выискивая доказательства чего-то. – Не нужно втыкать грабли в землю, коровы ею не питаются. Просто аккуратно грей сено в одну кучу или волну, как Лена.

– Ещё какие-то лайфхаки будут? – вздохнул парень так, будто я его основательно достала и, вообще, он без сопливых тут сам разберется.

– Будут, – с трудом сохраняла на лице улыбку. – Как только снова начнешь тупить, сразу начнутся лайфхаки. Так что, если сам не знаешь, как делать, то смотри у других. Компренде? – вылетело из меня любимое папино словечко.

– Компренде, – спаясничал парень, отчего захотелось ударить его по голове черенком от граблей. Но пришлось снова себя сдерживать, так как Рамиль почти даже с энтузиазмом приступил к работе.

В этот раз – всё делал правильно.

Отойдя от него, вздохнула с облегчением. Ближайшие пару-тройку часов ему не понадобится ничья помощь, так как работа будет монотонной, и разбавлять ее приятно болтовней со всеми, кто занят тем же, но вряд ли Его Величество сочтет всех нас компанией его достойной.

Просто нужно перетерпеть этот день, а затем вечером парень по имени Рамиль покажет моему папе, какой он молодец и как ему не слабо, и увисистает в большой город, забыв путь в наше село как страшный сон.

Господи, скорее бы вечер!

Я, Лёха и Ксюша гребли одной болтливой компанией, смеющейся каждую минуту, Лена и Рамиль – другой. Правда, эта компания была заточена на флирт, исходящий исключительно от Ленки. Её декольте становилось всё более откровенным, но, при всём при этом, Рамиль лично мне казался все более раздраженным. Вероятно, дело в работе, что на него свалилась. Изнеженный городской цветок точно не был готов к таким темпам работ, в которому привыкли мы, и уже даже не замечали, что солнце начало не просто греть, а уже припекало. Мы, как более опытные, надели легкие светлые вещи, под которые иногда забирался прохладный ветерок с реки, а вот Рамиль был в плотных джинсах и черной футболке. Даже на расстоянии в метров пятьдесят было заметно, что его кучерявые волосы уже промокли, и футболка липла к потному телу.

– Еще немного и у Ленки начнут выскакивать из рук скользкие грабли, облитые слюнами, – словно невзначай усмехнулся Лёшка, гребя сено.

– Почему? – чуть нахмурилась я. Оглядываться и смотреть, что там у неё происходит, интереса не было.

– Твой друг снял футболку, а Лена, кажется, потеряла связь с реальностью, – столь же ехидно улыбалась и Ксюша, бросая короткие взгляды за мою спину.

Не выдержала и я – тоже обернулась, но не заметила ничего такого, на чем можно было бы заострить внимание. Да, парень хорошо сложен – есть мышцы, пресс, но и наши парни тоже имеют такие же торсы и сильные руки, которые были закалены работами в полях или личных хозяйствах. Даже наш долговязый Стёпа – носитель очков с толстой оправой – обладал прессом и жилистыми руками. Так что, вполне может, быть, что Ленку манил и увлекал больше тот факт, что перед ней находится билет в большой город со всеми его соблазнами и перспективами, нежели просто симпатичный парень.

– Может, отдохнем и перекусим? – предложил с воза Витя, из волос которого торчала сухая трава. – Пить хочу – сейчас сдохну!

– Согласен! – салютовал ему Стёпа граблями. – Руки уже трясутся. Давайте немного отдохнем. Как раз только телегу осталось накидать.

– Салаги, – насмешливо фыркнул Лёша, который всё это время не очень-то старательно грёб сено граблями, пока парни в это время закидывали его на вилах на уже высокий воз.

– Девчонки, держите этого упыря! – крикнул Витя, спрыгивая с воза. – Сейчас я его на вилы посажу!

– Да-да, Ксюша, – Лёша тут же прильнул к Ксюше и с плутовской улыбкой добавил. – Держи меня крепче.

– Отстань, дурак! – щелкнула она его по лбу и, смеясь, отпрянула от парня, чтобы вместе со мной расстелить под тенью дерева скатерть и разложить взятые с собой пайки.

Помыв руки под потоком воды, льющейся из взятой специально для этого бутылки, постепенно парни один за другим присоединились к перекусу. В стороне остался только Рамиль, который предпочел сесть в тени дерева, что находилось от нашей компании метрах в ста.

– Не хочет? – спросила Ксюша, когда отправленный за ним парламентар в лице Лены, не принес никаких результатов.

– Сказал, что не голоден, – ответила девушка понуро и села рядом с Витей, который специально держал для нее место рядом с собой.

– Есть не хочет, так пусть хоть попьёт, – возмутилась Ксюша.

– Он сказал, что ничего не хочет, – психанула Лена, которую явно бесило то обстоятельство, что Рамиль не последовал за ней, как баран на веревке.

Я перевела взгляд на гордого... идиота, сидящего далеко от нас. Прислонившись спиной к дереву и, согнув широко расставленные ноги в коленях, он обтирал шею и плечи своей ском-

канной футболкой. Лицо его при это выражало пренебрежение и раздражение, похоже, даже ветром, который смел касаться его идеальной бронзовой кожи.

– Ну, и пусть солнцем питается, – фыркнула я и со злостью откусила огурец. – Нянчиться тут с ним никто не нанимался.

– Ты, конечно, права... – начал аккуратно Лёха, предугадывая мою возможную реакцию на его слова. – ...но парень работал наравне с нами, так что, хотя бы, воду ему точно можно предложить. И, вообще, может, он нас стесняется.

– Он?! – у меня даже голос скрипнул, не выдержав натиска иронии.

– Ну, да, – поддержала Лёшу Ксюша и аккуратно глянула на гордого одинокого индюка под деревом. – Мы же для него все незнакомые люди. Может, ему неловко с нами или он чувствует себя лишним...

Оглядела друзей, которые, похоже, были солидарны с этим мнением.

– Боже, – вздохнула я обреченно. Взяла опустевший пищевой контейнер и наполнила его бутербродами. Прихватив бутылку холодной воды, двинулась к Рамилю с твердым намерением накормить этого выдергу, даже если для этого придётся силой пихать дары природы прямо ему в глотку.

Конечно, этот павлин заметил мое приближение к нему и обозначил его лишь легким поднятием взлохмаченной брови, чтобы затем снова прикрыть глаза и продолжить наслаждаться солнышком.

– Обгоришь, – произнесла я, специально загородив собой солнце.

– Тебе-то какая разница? – фыркнул он надменно и соизволил оторвать затылок от дерева, но только для того, чтобы смерить меня высокомерным взглядом.

– Никакой. Будет даже приятно утопить тебя вечером в сметане.

– В сметане? Зачем? – чуть нахмурился городской цветочек.

– Крема специального у нас нет, зато сметаны хоть утопись, – пояснила я. После секундной паузы протянула ему контейнер с перекусом. – Поешь.

– Я уже сказал твоей подруге, что не буду есть, – произнес Рамиль раздраженно и снова начал смахивать с плеч солому.

– Пить ты тоже не будешь? – потрясла бутылкой перед его лицом. – Холодная, ключевая.

Парень нарочито равнодушно мазнул по бутылке взглядом и с оттенком одолжения сказал:

– Ладно, дай попить, – слегка вытянул руку и пошевелил пальцами, будто дворнягу или прислугу какую подзывал.

– Попроси нормально, – смотрела я на него сверху вниз. – Помнится, утром у тебя получилось выдать из себя это слово.

– Какое?

– Волшебное.

Коротко усмехнувшись, Рамиль гордым индюком откинулся обратно на ствол дерева и снова прикрыл глаза, наслаждаясь загаром в моей тени.

– Зря, – вздохнула я нарочито расстроено. Открыла бутылку и с наслаждением, специально его дразня, немного отпила воды. – М, вкусотища! Так классно освежает. Холодная. Точно не будешь?

Глаза Рамиль не открыл, но кадык на его шее дернулся. Кого-то явно душила сухость во рту, но гордость и высокомерие ко всему простому были выше.

– Точно не будешь? – продолжала я дразнить. – Я сейчас верну бутылку парням, и они её быстро осушат.

– Плевать.

– Как знаешь, – хмыкнула я и, словно между прочим, добавила. – Бутылка, кстати, последняя.

Повернулась на месте и только-только подняла ногу, чтобы сделать шаг от него подальше, как до слуха донеслось тихое, почти болезненное:

– Подожди.

Гордая собой, с трудом подавила злорадно-триумфальную улыбочку.

– Ты что-то сказал? – спросила я, небрежно глянув за плечо.

– Подожди, говорю, – Рамиль рывком встал на ноги, отряхнул пятую точку и протянул ко мне руку. – Дай воду.

– А что насчет волшебного слова?

Рука его в ту же секунду безвольно повисла. Уставший и почти молящий взгляд болотистых глаз на секунду был обращен небу.

Молится, поди, на меня.

– Пожалуйста, – произнес он, наконец, и даже выдавил корявое подобие улыбки, чтобы затем добавить язвительное. – Заколебала.

– Можно было ограничиться «пожалуйста», – всё же, протянула ему бутылку, которую он жадно осушил наполовину. – Вкусно тебе?

– Нормально, – выронил глухо, силясь отдышаться после столь частых глотков живой влаги.

– Поешь, – протянула ему контейнер с бутербродами.

Заглянув внутрь, парень брезгливо поморщил нос.

– Не хочу, – мотнул кучерявой головой.

Ну, знаете ли! Я эти огурцы и помидоры сама выращивала! Как и листья салата, вообще-то!

– Ты не ел утром. Скорее всего, вчера тебя тоже не особо сытого занесло в наше село, а сегодня ты проработал уже полдня. Так что возьми и поешь. Можешь жевать и мысленно молиться на мишленовские звездочки, к которым скоро вернешься. Не захочешь есть сам, я начну пихать тебе это в глотку при всех своих друзьях, и твой образ крутого парня со сверкающим ремнем на коротких джинсиках быстро будет разрушен. Ну, так что? – повела я вопросительно бровью. – Ешь сам или я помогаю?

Сделав еще глоток воды, но уже не такой жадный, Рамиль окинул меня взглядом слегка прищуренных от солнца глаз.

– Ты не пробовала быть немного помягче и женственнее, что ли?

– Я вожу трактор и иногда кидаю навоз лопатами. Куда уж женственнее?

– Ну, да, – чуть улыбнулся он, кажется, поняв мой сарказм.

– И? Есть будешь? – качнула контейнером. – Не хочешь бутеры, есть еще тыквенный пирог и копченое мясо. Если это всё, конечно, не съели, пока ты тут ломаешься. Следующий перекус только вечером и дома.

– Давай уже, – вырвал Рамиль из моей руки контейнер и неторопливо взял один из бутербродов, решая, с какой стороны менее опасно начать его есть.

– Что нужно сказать? – подначивала я его.

– Спасибо, – скривил парень комичную рожицу.

– На здоровье, – повторила его мимику и тон, и, кажется, поймала некоторое подобие искренней улыбки на его губах.

По-моему, мне уже начинает нравиться доводить его и нервировать.

– Ну, вот! – всплеснул руками Лёха, когда я вернулась к друзьям, оставив жующего Рамиля наедине с собой красивым. – Парень ест только с Гуськиных рук. Так что, Ленок, втягивай свои когти- шансов у тебя нуль.

– Больно надо, – фыркнула она, гордо подставив лицо ветру.

Глава 4. Рамиль

Я грязное, вонючее чмо. Об этом можно заявить официально и спорить с этим уже нет смысла.

Футболка давно превратилась в тряпку, которой теперь будет стремно даже потереться. Ещё вчера белоснежные кроссовки – сегодня превратились в огрызки обуви, цвет которых невозможно определить из-за налипшей пыли и соков травы и цветов.

А эти... ребята.

Серьёзно, они так друг к другу и обращаются – ребята. Я будто в старый Ералаш попал, где все, как один, дружные и работающие. От такой картинки рябило в глазах и уже начинало подташнивать.

Складывалось впечатление, что трактор из лужи выкинул меня в прошлое, где «ребята» дружно колхозятся в поле. Парочка, во главе которой Лёха, смотрятся, вообще, карикатурно. Одна их сельхозромантика чего стоит: она ему сплела венок из цветов (и это тогда, когда на моих руках лопались мозоли от интенсивной работы), а он ей, походу, за неимением навыка плести венки, просто положил на башку три цветочка. Но всем эта тошниловка, почему-то, показалась смешной и забавной.

Ещё эта... как её?... Лена. Назойливее мухи я представить себе не мог. Столько чуши, сколько вываливалось из её рта ежесекундно, я не слышал ещё ни от одной из своих бывших.

Бывших...

Рука с граблями в ней непроизвольно дёрнулась. Перед глазами снова мелькнула картинка из клуба, на которой моя бывшая, отношения с которой зашли настолько далеко, что я познакомил ее с отцом, орудовала языком, как раз, во рту моего отца, сидя на нем сверху с широко разведенными ногами.

Кажется, я не пытался доказать отцу Гусыни, что мне не слабо уехать в какое-то неизвестное поле и покидать сено. Я просто хотел в очередной раз убежать, и, похоже, у меня это получилось даже лучше, чем я планировал.

Телефон сдох ещё утром. Искать меня начнут, разве что, друзья. Но не отец. Есть время остыть и всё взвесить, а ещё пожрать хоть что-нибудь.

После бутеров прошло уже часа четыре. Не знаю, на каком таком волшебном навозе Гусыня и ее батя выращивали огурцы, но хотелось ещё. Телега, которую «ребята» называли возом уже была полная. Сена не осталось нигде, да и сам народ уже лениво бродил по поляне, пока двое парней, один из которых в очках, а второй – водитель, обтягивали стог сена на телеге веревками.

– Всё? Едем? – спросил водителя, которого, кажется, звали Витей. – Все всё сделали? Писать, какать никто не хочет? А-то нам еще прилично ехать обратно. И не очень быстро.

– Поехали уже, – дал отмашку Лёха. – Жрать хочу и помыться.

Блин! Как я его понимаю!

– Тогда грузитесь, – кивнул Витя на телегу. – Кто на воз? Гуся, ты?

– Естественно, – фыркнула девчонка и первой полезла на крышу шишиги, чтобы затем забраться на самую макушку горы сена и завалиться там.

– Кто ещё? – спросил очкарик.

– Наверное, как обычно, – вклинился Лёха, тоже взбираясь по кабине шишиги. – Остальные девчонки в кабину, а мы все на воз. Да, Рамиль?

– Угу, – выдавил совершенно безрадостно.

Как на этой шаткой конструкцией, которую от ветра не спасут даже веревки, можно куда-то ехать?

– Ну, так залезай, раз «угу», – крикнула мне оттуда Гусыня. – Тебя только ждём.

Твою мать! – ругнулся себе под нос и полез тем же путем, что до этого на сено залезли «ребята».

– И за что здесь держаться? – спросил я нервно у тех, кто просто лежал и пилился в небо, совершенно не заморачиваясь о своей безопасности.

– Ну, если хочешь держи в зубах соломинку, как все, – хохотнул Лёха, между зубами которого как раз торчала соломинка.

– Прости, – поддержала его Гусыня. – Забыли для тебя прихватить детское автокресло. Можешь сесть в кабину к девчонкам и Витьку.

Стерва.

– Едем? – крикнул водила откуда-то снизу.

Все молча уставились на меня.

– Ну? – подтолкнула меня Гусыня. – Еще поноешь или с нами поедешь?

– Едем, – крикнул я в ответ, не сводя взгляда с этой бесячей девчонки.

Она лишь усмехнулась и лениво подцепила пальцами веревку, которой было обтянуто сено. Повторил за ней, но за веревку ухватился двумя руками. От чувства того, что я еду на куске холодца, когда тронулась машина, перехватило дух.

Девчонка внимательно за мной наблюдала и, я уверен на двести процентов, ржала. Потом еще и батю своему расскажет.

Только проехав реку, я смог успокоиться и даже расслабиться рядом Гусыней, которая, грызя соломинку, мечтательно смотрела на плывущие над нами облака.

– Ну, и как тебе? – спросила она.

– Что? – чуть повернул к ней голову.

– Сенокос, езда на сене, природа... выбирай сам.

– Нормально, – буркнул я, поняв, что ей от скуки захотелось до меня доколупаться.

– Нам сейчас ещё разгружать всё это, – словно между делом, ненавязчиво, добавила она.

– Твою мать! – почти взвыл я, спрятав лицо в ладонях.

Девчонка лишь тихо хохотнула.

Походу, издевательство над людьми, которые, вообще, не в теме, – это любимая развлекуха её и её бати.

– Приехали! – крикнул водила, когда машина остановилась, а двигатель затих.

Практически не чувствуя спину, сполз вслед за всеми с воза и увидел перед собой деревянные ворота, покрашенные зеленой краской, которая уже выцвела и потрескалась.

Очкарик сутил в стороне от ворот, зачем-то разбирая забор.

– Ребята! – распахнулась калитка и из нее вылетела какая-то тетка в желтой панамке. – Ребята, да вы что?! Вы с ума сошли что-ли?!

– Мам, вынеси, пожалуйста, нам всем попить, – сказал очкарик и отдал ей свою рубаху.

– Конечно, ребята. Я вам сейчас стол накрою!...

– Не надо! – оживился вокруг меня хор голосов. Все как один были против пожрать, хотя, пока ехали, только и говорили о том, как бы пожрать.

– Мы не голодные, Анна Васильевна, – произнесла спокойно Гусыня.

– Ну, вы даёте! – покачала женщина в панамке головой. – Спасибо вам, ребята! Мы уж с отцом думали, что всё – сгниёт наше сено, и коров надо будет продавать. Спасибо! Я сейчас отцу скажу. Он хоть из окна на вас посмотрит.

– Мам, перестань! – очкарик явно смущался своей мамки. – Мы сейчас разгрузимся, и баню растоплю.

– Хорошо, Стёпа, как скажешь, – улыбка не покидала ее глаз и золотого зуба.

Шишига въехала на территорию их огорода и остановилась под высоким навесом, под который все начали скидывать сено.

– А почему его отец на нас только из окна может посмотреть? – всё-таки, не выдержал я, решив спросить у Гусыни.

– А тебе нужно, чтобы тебя лично все похвалили и руки твои поцеловали? – ерничала она.

– Ясно, – быстро потерял к ней интерес, снова напав на сено.

– Родители Стёпы полтора месяца назад попали в аварию, – произнесла Гусыня тихо. – У Анны Васильевны только ушибы и вывих плеча, а у его папы сломаны обе ноги – зажало его сильно тогда. Так что мы с ребятами в тихую, чтобы им помочь, сначала скосили траву, а сегодня собрали сено. Иначе их ждала бы не самая приятная и сытная зима. Ну? – спросила она, когда я ничего не ответил, погруженный в свои мысли.

– Что? – спросил я, не понимая.

– Как тебе теперь ощущения после сделанного? Тоже «нормально»? – в ее темных глазах искрило любопытство и смешинка.

Она явно пыталась поймать какую-то особую мою реакцию.

– Нормально, – ответил я, нарочито хмурясь.

Грудину приятно обожгло странное чувство. Что-то схожее с гордостью и облегчением. Но признаться в нём мне показалось лишним.

Глава 5. Рамиль

Пёс, который Байкал, уже давно куда-то убежал. Ему повезло – у него есть выбор и он мог просто свалить и не париться с сеном, которое застряло и кололо у меня везде.

Лениво плёлся за Гусыней, которая шла до своего дома так, будто хотела скинуть меня на одном из поворотов.

И откуда только энергия берется? Лично я был готов упасть прямо на пыльной дороге, которая никогда не знала асфальта. Желательно, перед тем как лечь, что-нибудь сожрать, попить холодной воды и можно вырубаться до завтрашнего утра.

Ещё бы, конечно, помыться, переодеться во что-нибудь чистое и сжечь все грязное, чтобы об этом каторжном дне мне не напоминала ни одна пропотевшая насквозь нитка.

– Ты можешь идти медленнее? – спросил я у этой моторессы, когда она снова втопила на очередном повороте.

– Зачем мне это? – посмотрела она мельком через плечо, но не замедлилась ни на секунду.

– Я не успеваю, блин!

– Так в этом и смысл, – усмехнулась девчонка, не оборачиваясь.

Безмолвно закатил глаза у просто поплёлся следом. К счастью, тащиться и успевать за ней уже не было нужным, так как впереди я увидел свою машину. Значит, дом Гусыни буквально в ста метрах от меня. Нужно только доплестись и упасть где-нибудь под тенью крыльца.

– О-о! – протянул иронично батя Гусыни, когда я вошёл в их двор и закрыл за собой калитку. – Никак сам Рамилька к нам решил вернуться?

– Угу, – натянуто улыбнулся ему уголком губ и застыл у калитки, поняв, что совершенно не знаю, что делать дальше.

Гусыня погладила ластящегося к ней пса, сняла старую клетчатую рубашку, оставшись в обычном зеленом топе, а её батя в растянутой серой футболке, прищулив один глаз от табачного дыма от сигареты в зубах, с лейкой в руке, смотрел на меня так, будто что-то замышлял.

– Пап, – недовольно и с явным наездом обратилась к Николаевичу Гусыня. – Ты опять огород, что ли, поливал?

– Да, так. Пробежался малёха. Всё равно на работу теперь только в понедельник. Не сидеть же мне просто так и тебя ждать.

– У тебя только недавно спина прошла. Мы же договаривались, что тяжестями в доме буду заниматься я, пока врач не скажет, что тебе тоже можно, – ворчала она, выхватив из его рук лейку и широкими шагами метнулась по тропинке в сторону, видимо, огорода. – Мог бы и из шланга полить, вообще-то.

– А я еще баню растопил, – словно дразня, бросил он ей вдогонку.

Резко остановившись, она посмотрела ему в самую душу, слегка сощуренными глазами.

– Только попробуй потом позвать меня, чтобы я принесла тебе попить или поесть, когда опять будешь лежать на кровати задом кверху. Одно дело за рабочим столом сидеть или «баранку» крутить, а другое...

– Ну, не ругайся, Гуся, – начал мужик неожиданно заискивать. – Я окрошку сделал. Как ты любишь – всё мелко порубил. Укропчик, ветчина...

– Не подмазывайся, – сказала Гусыня строго, но улыбка слишком очевидно блеснула в ее глазах. – Что ещё нужно сделать во дворе?

– Да, ничего. Ну, можно курицам воду налить. Я не успел. Ты поймала меня с поличным.

– Ладно, – продолжила она свой путь и скрылась за углом дома.

– А ты чего встал? – обратился ко мне Николаевич.

– А что мне еще делать?

– Иди дров в баню натааскай. Слышал же, что мне нельзя, – показушно схватился он за спину.

– Я устал.

– Значит, работал. А если работал, то повторить это не составит никакого труда. Иди, – указал мужик большим пальцем в сторону, в которую ушла Гусыня. – Дрова, баня. Всё рядом. Не заблудишься.

– А отдыхать у вас тут не положено? – вопрос был брошен мною безадресно. Просто нужно было куда-то выплеснуть нерв.

– Отдыхай. Кто ж тебе не даёт-то? – усмехнулся Николаевич. – Только сначала убедись, что всё сделано, чтобы отдыхать было приятнее.

– Класс! – выдохнул я устало.

Проходя мимо крыльца, положил свою грязную футболку поверх рубашки Гусыни и пошёл к мелкому теремку, из железной трубы которого шёл дым.

– А где дрова? – спросил я громко и глянул за плечо на довольную морду Николаевича.

– А ты их не наколот, что ли?! – спросил он насмешливо и нарочито возмущенно. – Ну, Рамилька! Ну, ёмаё! Готовится же надо к таким вещам!

*

– Боже, – снисходительно вздохнула Гусыня, выйдя из курятника, в котором только что довела до истерики всех его обитателей. – Ты дрова колешь или приемы самбо на них отрабатываешь?

Уперевшись ногой в полено, с усилием вынул из него острие топора.

– Можно подумать, что ты умеешь их колоть, – фыркнул я, замахиваясь для нового удара по полену, для которого пришлось выкопать небольшую ямку, чтобы оно стояло и не падал после каждого удара по нему.

– Яйца подержи, – протянула мне Гусыня два куриных яйца.

Брезгливо взял их. Теплые. Они только что выпали из куриной задницы? Тошнота подкатила к горлу. Желание швырнуть их через забор зудило в ладонях.

Гусыня тем временем, замахнулась топором и резко ударила по полену, отчего то распалось на две почти равные части.

– Понял? – посмотрела она на меня, протягивая топор обратно. – Главное – не сила, главное – резкость. Верни мне мои яйца. Не заработал ещё.

– Очень смешно, – сгримасничал я, но яйца ей отдал. Ну, их нафиг.

Когда с дровами было покончено, а моя спина окончательно высыпалась в джинсы, гусыня прошлепала мимо меня в одном полотенце в дом напрямик из бани.

Мне в дом войти не разрешили, сказав, что я грязный, воняю и всё им там замараю. Можно подумать, у них там без меня чисто как в операционной, блин. Мне было позволено остаться в стеклянno-шторочном пристрое к дому, который они называли верандой. Хорошо, что кресло здесь хоть и было стремным, но сидеть в нем, откинувшись на спинку, было удовольствием покруче любого массажа.

– Держи, – неожиданно перед лицом возникла тонкая рука с голубым полотенцем.

– Это, типа, что? – смотрел я на махровую ткань, не спеша ее брать.

– Это, типа, мыться иди, пока в бане жарко, – Гусыня точно не отличалась терпением и еще немного, могла бы придушить меня, нафиг, этим полотенцем.

Сама он от полотенца так и не избавилась. Разве что с башки сняла.

– В чем приколы мыться в жаркой бане, когда весь день потел на жаре? – бубнил я себе под нос, с трудом поднимаясь с кресла. Взял у нее полотенце и посмотрел в темные глаза, что находились ниже моих.

– А ты помойся и узнаешь, – с самоуверенной улыбочкой заявила Гусыня.

– Чё, Гúся? – вышел ее батя из дома. – Не берёт? Я же говорил, что для его кудрей нужно второе полотенце.

– Нет, пап, – ехидно заявила девчонка. – Он не понимает прикола – мыться в жаре после жары.

– О! – протянул Николаевич, будто он, блин, тут старый мудрец, мнение которого имеет вес. – А ты, Рамилька, сходи, купнись и сразу всё поймешь. Только тапки возьми, чтобы свои грязные кроссовки не пялить на чистые ноги.

– Ладно, – выдохнул я. Закинул полотенце на плечо и пошел к выходу с веранды, надев вместо кроссовок черные резиновые тапочки, которые казались новыми. В поношенных тапках Николаевича был виден след его стопы, как у снежного человека.

– Разберешься, как там всё работает? – бросил мне в спину Николаевич. Гусыня, тем временем, вошла в дом.

– Да уж не дурак.

– Ага, – протянул мужик задумчиво и почесал затылок. – Берешь тазик, ковшик и смешиваешь горячую воду с холодной на свой температурный вкус. Горячая – это та, что на печи и булькает.

Достал, блин.

Для того, чтобы попасть в баню, нужно было согнуться пополам в низком дверном проёме, а затем выпрямиться и начать в панике хватать ртом горячий воздух, чувствуя, как в носу плаваются волосы.

– Охренеть! – выдохнул я сипло. – Вот где филиал Ада находится!

Морщась от невозможности открыть глаза шире и нормально дышать из-за жары, оставил большое махровое полотенце на деревянном крючке в углу напротив печи, которая аж, блин, гудела оттого, как шпарила.

Три цветных металлических тазика лежали перевернутыми на деревянной лавке. Здесь, блин, всё из дерева! Как эта баня до сих не вспыхнула от таких температур – уме непостижимо!

Взял верхний из тазиков и сразу отбросил его нафиг. Металл обжог пальцы, рефлекторно отпрыгнул и ударился головой о низкий потолок.

– Твою мать! – сложился пополам, схватившись за голову. – Чёрт!

Осмотрелся вокруг. Заметил на крючке у печи серую варежку. В саже.

– Пофиг!

Взял ее. И хоть она тоже была горячей, но, хотя бы, не жгла руки. Надев варежку, поставил верхний тазик прямо перед собой на лавку. Хорошо, что ковшик был деревянным.

И только сейчас понял, что показавшаяся мне тупой подсказка Николаевича, сейчас, когда мозг плавился и вытекал, оказалась очень нужной. «Горячая – та, что на печи и булькает.»

А она, блин, не просто булькает. Это адский котёл кипит.

Как в пасть к тигру, полез ковшиком в воду, слегка отклоняясь назад, чтобы не обожгло лицо.

Начерпал горячей воды. Из большого бака, стоящего в углу, набрал в этот же тазик холодной. Вроде, получилось неплохо. Рука терпит.

Разделся. Шмотки оставил на соседнем с полотенцем крючком. О том, чем можно помыться, думать не стал – уже не мог из-за пекла внутри бани. Поэтому прост воспользовался тем девчачьим ассортиментом, что стоял на лавке за тазиками.

Так классно в моих волосах не пенилось еще ничего и никогда. Я даже между делом от сладкого запаха шампуня кайфанул. В такой жаре, в закрытом пространстве он заполнил собой всё.

Смыл с себя всю пену. Даже напоследок тазиком холодной воды себя облил, чтобы кожа от высоких температур не сползла. Не заморачиваясь о том, чтобы как следует обтереться или

забрать свои вещи, просто обмотал бедра полотенцем, вставил ноги в тапочки и выскочил из бани на улицу.

Теперь зной летнего дня показался мне освежающим, мать его, бризом. Я никогда еще с таким удовольствием не вдыхал воздух.

Будто только что родился, блин!

Усталость завела меня в дом, где я без прелюдий и заморочек просто завалился на диван, на котором этой ночью ночевал. И тут же получил вторую волну кайфа, почувствовав, как тело благодарно расслабилось и выдохнуло, когда я лежал, не пытаясь шевельнуть даже пальцем. Не мог и не хотел шевелить, вообще, хоть чем-то.

– Ну, что, Рамилька? – где-то рядом послышался привычно насмешливый голос Николаевича. – Понял, в чем приколот жаркой бани?

– Кажется, да, – ответил я едва слышно. Глаза так и не открыл. Зачем? Мне и так хорошо.

– Ладно. Отдохни мальчика, да потом окрошкой тебя накормлю. Ел когда-нибудь окрошку?

– Не-а, – вяло качнул я головой. Вообще, не представляю, что это такое. Наверное, что-то из печи или около того...

– Вот у тебя жизнь, Рамилька, началась! – хохотнул мужик. – Одно открытие класснее другого.

– Угу, – почти засыпал я.

– Пап, – теперь с другой стороны послышался голос Гусыни. – Ничего больше не нужно по дому сделать?

– Да, не. Уже все сделано. Разве что, телек посмотреть. Но тут, так уж и быть, я возьму этот удар на себя, – пафосно вещал ее батя. – А чё ты? Куда-то собралась?

– Да, мы с ребятами договорились поиграть в волейбол вечером.

Что, блин?!

Я даже голову поднял, чтобы посмотреть на нее.

После всего, что было сегодня с раннего утра и весь день, они еще и в волейбол вечером играют?!

– Ну, иди, конечно. Рамильку-то с собой возмешь?

Гусыня тут же посмотрела на меня, которого выкинуло на диван волной усталости.

– Прямо так? В одном полотенце? – чуть выгнула она тонкую черную бровь.

Сама Гусыня уже успела приодеться в светлые шорты с высокой посадкой и укороченную белую футболку. Только сейчас заметил, какая она загорелая и, оказывается, у нее вполне себе красивая фигурка. И ножки.

– Своди его в наш магазин, – произнес Николаевич.

– У вас есть магазины одежды? – теперь выгнулись и мои брови.

– Ага, – усмехнулся батя. – Целый модный бутик над ларем с котлетами. Идите, пока не закрылся. Сгоняешь в моих старых шортах. Всё равно они мне давно малы.

Глава 6. Августина

– Здравствуйте, – поприветствовала я свою бывшую воспитательницу из детского сада.
– Здравствуй, Гүся, – улыбнулась она мне, проходя мимо и с лёгкой полуулыбкой глянула на следующего за мной Рамиля. – Здравствуйте, молодой человек.

– Здравсти, – бросил он небрежно в виде большого одолжения, едва шевельнув при этом губами. И, когда мы разошлись с женщиной на приличное расстояние, парень раздраженно спросил. – Обязательно здороваться со всеми подряд?

– Это не все подряд, – ответила ему ровным тоном. – Это село, в котором все друг друга знают, а конкретно эта тётя познакомилась со мной, когда я была еще у мамы в животе.

– А со мной тогда нафига здороваться? – не понимал Рамиль. – Меня-то они, вообще не знают.

– С тобой здороваются, потому что ты со мной идёшь. А из-за того, что село не очень большое и все друг друга знают, то благодаря слухам, теперь ты значишься моим женихом. Так что привыкай. И сказать «здравствуйте» – не так уж и сложно. Большого от тебя не требуют.

– Прикинь, в городе со всеми прохожими здороваться? – хохотнул неожиданно парень. Невольно поддержала его улыбку.

– Я, кстати, когда в город первый год приехала учиться, первое время со всеми здоровалась. Видимо, когда почти восемнадцать лет подряд здороваясь с каждым мимо проходящим, то это становится привычкой.

– Капец ты, – усмехнулся Рамиль.

Потер ладонью солнечное сплетение и чуть поморщился.

Точно – мы же еще не ужинали. Голодный, поди.

– Вот магазин, – кивнула я в сторону небольшого деревянного дома, на котором о том, что это магазин, говорила только небольшая табличка с названием «Алёна».

Внутри, как и всегда, оказалось прохладно благодаря кондиционеру и чуть темно после яркого солнечного света на улице.

– Здравствуйте, – поздоровалась я привычно с продавщицей.

– Здравствуй, Гүся, – широко улыбнулась мне женщина за прилавком. – Ой, ты с другом!

– Ага. Типа того, – пропустила этого «друга» вперед себя и дала ему направление в сторону нужных ему шмоток. – Выбирай.

О том, что модный бутик находится над ларем с котлетами, мой папа не шутил. Вот – ларь, вот – в нем котлеты, пельмени и еще какие-то замороженные полуфабрикаты неизвестного вида и происхождения, а над всем этим на стене висят вещи: мужские, женские, детские. А напротив них стоит городской мажор, который, кажется, пытается понять шутка ли всё это.

Спустя тридцать секунд Рамиль, наконец, смог отвиснуть и слегка склонил голову в мою сторону, чтобы спросить:

– Это секонд хенд?

– Чё это секонд? – фыркнула почти обиженно продавщица. – Это самый первохенд. Говори, что надо? Футболку, поди?

Ах, да! Его Величество Рамиль, исключительно красиво сморщив нос, согласился надеть только папины шорты, которые тот и не носил ни разу – впервые сам сделал заказ через интернет-магазин и промахнулся с размером. А вот Рамилю эти шорты оказались очень даже впору, но, видимо, отсутствие на них ценника с количеством цифр как в номере телефона, его жестко покорило. От футболки он предпочел отказаться сразу, даже не глянув на неё.

– Футболку и кроссовки, – теперь вещал он.

– Какую футболку? Всё, что есть – здесь, – очертила продавщица круг рукой, указав на вещи на вешалках.

– Серую, – чуть помедлил Рамиль.

– Четыреста, – положила она перед ним простую серую футболку без принта прямо на ларь с котлетами. – Можешь примерить. Вижу, что только после баньки, – подколола его тётя Марина.

Волосы у него, и правда, до сих были влажными.

Помяв пальцами ткань, словно разбирался в ней, Рамиль расправил футболку, осмотрел ее поближе (кажется, даже принюхался) и быстрыми движениями надел.

– Смотри-ка! – одобрительно закивала продавщица. – Будто тебя ждала всё лето та футболка.

– Берёшь?

– Будто у меня есть выбор, – пробубнил себе под нос парень.

– Кроссовки – какой размер?

– Сорок четвертый.

– Ты смотри-ка! – всплеснула радостно руками тётя Марина. – И они будто тоже только тебя ждали! Единственные такого размера, – отойдя в сторону соседнего с ларем прилавка, она достала откуда-то снизу обувь и протянула Рамилю. – Мерь.

– Это кеды, – деловито заявил парень, взяв обувь.

– Да хоть лабутены, – фыркнула женщина. – Мерь.

Мне пришлось встать с пластикового стула, чтобы уступить место для примерки.

– Носки ещё дайте ему, пожалуйста, тётя Марина, – попросила я женщину.

– Точно! – спохватилась она и достала пару носков, которую я передала парню.

Развязав шнурки, надев носок, Рамиль примерил один кроссовок.

– Ну, что? Как?

– Нормально, – вздохнул тот, видно, что недоволен. Но, тем не менее, надел второй носок и кроссовок, тщательно переделывая шнуровку на свой вкус.

– Ну, ты, Гусь, даёшь! – наблюдала на Рамилем тётя Марина со своей фирменной широкой улыбкой. – Первый же жених и сразу из города, модный, кучерявый...

– Первый? – приподнял голову «жених», глянув на меня с насмешкой.

– Он мне не жених, – вздохнула я устало. Кажется, в этом уточнении смысла не было, так как все уже для себя всё решили.

– Как звать-то?

– Рамиль, – представился парень, всё ещё мерзенько мне улыбаясь. Похоже, про брезгливость к местным вещам он только что забыл.

– Татарчонок, что ли? – повторила тётя Марина папин недавний вопрос.

– Просто имя такое, – ответил парень. Встал со стула и попрыгал в новой обуви, проверяя их на прочность.

– Да, бери, – подначивала его продавщица. – Твои. Тебя ждали.

– Ладно, – нехотя согласился он и достал из шортов бумажник, который перед походом в магазин взял из своей машины. – Сколько с меня?

– Четыреста за футболку и тысячу шестьсот за кроссовки – две тысячи.

Парень хмуро порылся в своем бумажнике.

– У меня нет столько наличкой.

– Давай, чем есть, – хохотнула тётя Марина. – Могу тебя в тетрадь вписать под Гусю или Колю. Кстати, папе привет, – смущенная улыбка коснулась уголков ее губ, а щеки тронул легкий румянец.

– Передам, – улыбнулась я ей. – Запишите его на моё имя.

Спеси у мажора значительно поубавилось.

– Так это... наличкой нет, так, может, на карте найдется, чтобы я чернила зря не тратила?

– Вы принимаете оплату картами? – густые брови Рамиля взметнулись к челке.

– Да, Рамилька, – кивнула продавщица. – У нас мало что изменилось со времен нашего татаро-монголов, но терминалом мы богаты.

– Ну, тогда вот, – подошёл он к кассе и приложил карту к протянутому ему терминалу.

– Две тысячи *рублей*? – кажется, он был удивлен.

– А ты чего думал? Тугриков? Ассигнаций? – посмотрела на него тётя Марина, кажется, с трудом сдерживая смех.

– Долларов.

– Ну, парень, – развела она руками. – Здесь тебе не заграница. Плати в рублях – будь патриотом.

– Ясно, – буркнул тот и убрал карту в бумажник. С интересом вчитался в отданный ему чек.

Видимо, не до конца ему верилось, что платить нужно рублями. Хотя, у самого виднелись из бумажника рублевые купюры. Пятитысячные.

– До свидания, тётя Марина, – направилась я к выходу из магазина. Рамиль последовал за мной.

– Папе привет, – напомнила она мне.

– Кстати, – остановилась я и обернулась. – Приходите завтра на дискотеку.

– Куда мне? – отмахнулась она от этой затеи. – Песком там на пол сыпать...

– Ну, не знаю, – сказала я нарочито равнодушно. – Папа, вот, с удовольствием завтра пойдёт.

Глаза женщины радостно блеснули. Теперь можно не сомневаться в том, что она завтра придёт на дискотеку восьмидесятых, которые мы традиционно устраиваем для взрослых в конце августа.

– Я подумаю, – с ноткой флирта ответила тётя Марина.

– Думайте-думайте, – улыбнулась я ей и вышла из магазина.

– Первый жених, значит? – поравнялась со мной Рамиль.

– Отвали! – закатила я глаза и пошла быстрее, надеясь потерять его где-нибудь между дворами.

Глава 7. Рамиль

– Ну, что, Рамилька? Как тебе моя окрошка? – спросил Николаевич, довольно ухмыляясь на другой стороне стола.

– Странная... – слово «хрень» пришлось опустить, так как у мужика в руках был нож, которым он подрезал себе ржаной хлеб. – ...окрошка. Это такой крем-суп? Холодный ещё...

Вообще, реально странная хрень: мужик просто взял салат из мелко порубленных или даже тертых овощей и какой-то колбасы и просто залил его кефиром, а сверху еще холодной минералки добавил, будто и так недостаточно испортил, вроде, нормальное блюдо.

– Так ты от души черпни ложкой, а-то ты сверху укропную палку подобрал и губами ее причмокнул. Ешь нормально. Фигурка не испортится.

Капец...

Взял ложку покрепче, глянул на Гусыню, которая съела уже половину, и с лёгкой насмешкой наблюдала за мной.

С надеждой на то, что после дегустации не будет кровавого поноса, зачерпнул полную ложку окрошки. Прямо со дна. Полную густой жижи настолько, чтобы в нее вместились все ингредиенты от белого до зеленого и красного цвета.

Еще раз глянул на Николаевича, который с самодовольной ухмылочкой ждал, когда я хлебну месиво, им приготовленное.

Вдохнул, выдохнул и отправил всё содержимое ложки в рот. Сжал кулаки и начал несмело жевать, позволяя кремообразной консистенции коснуться всех вкусовых рецепторов языка.

– А теперь как? – спросил мужик.

Нажевывая, посмотрел на него и проглотил.

– Это... интересно, – сказал я честно.

Не восторг, конечно, но достаточно сносно. И, как ни странно, даже учитывая тот факт, что в эту хрень намешан весь огород, на вкус очень даже освежающе и при этом сытно.

– Интересно, – повторил я и зачерпнул ещё ложку. – Огурцы на тёрке, что ли, тёрты?

– Один потёр, чтобы кефир с минералкой были вкуснее.

– Прикольно, – хмыкнул я, зачерпывая очередную ложку.

– Да хватит тебе, – фыркнул мужик. – Интересно ему и прикольно... Просто скажи, что вкусно и, возможно, получишь добавки.

– Нормально, – ответил я снисходительно.

Достаточно ему того, что я ем это месиво и уже даже не морщусь.

– Спасибо, пап, – вскочила Гусыня. – Всё было вкусно.

– Вот! – указал на неё Николаевич. – Учись, студент.

Шум воды, пока Гусыня мыла за собой посуду, спас меня от того, чтобы что-то ему отвечать.

– Ладно, пап. Я пойду. Не скучай, – чмокнув его куда-то в район макушки, девчонка двинулась к выходу из кухни.

– Подожди-подожди! – остановил её мужик. – Не оставляй меня с ним наедине, – нарочито напугано выпучил он глаза. – Ему не нравится моя окрошка – страшный он человек.

– Пап. Ну, научи его готовить что-нибудь другое. Свекольник, например.

– Я не доверю ему секреты своих рецептов.

– Я, пожалуй, лучше на волейбол схожу, – хлебнул еще ложку окрошки и вышел из-за стола.

– Эй-эй! – окликнул меня Николаевич. – Это что за фокусы, Рамилька? Поел – помой за собой посуду.

– Но я не доел.

– Значит, доешь, помой за собой посуду и иди хоть на все четыре стороны.

– Фак! – чертыхнулся я, но дохлебал этот странный суп, пока Гусыня, насмешливо переглядываясь со своим батей, стояла у выхода из кухни и мяла в руках, то ли куртку, то ли мастерку, как из девяностых.

Опустил пустую тарелку в раковину. Включил горячую воду и стал ждать, когда наполнится тарелка. Вылил из нее мутную воду, наполнил еще раз и вылил, отставив посуду в сторону.

– Это ты здорово придумал, Рамилька. Ничего не скажешь, – саркастично подметил Николаевич.

– Я же помыл. Что ещё-то надо?! – терял я терпение.

– Так ты помой, а не просто помочи, – вклинилась Гусыня, на что получила мой не самый добрый взгляд. – Боже! – вздохнула она тяжело и подошла ко мне, встав рядом. – Давай, помогу. Возьми губку, намочи ее и капни на нее немного моющего средства. Вот оно, – кивнула в сторону белой пластиковой бутылки с нарисованной на ней стопкой сверкающих чистотой тарелок. – Вот так. А теперь помой тарелку со всех сторон.... Смой пену... Теперь то же самое с ложкой.

Подставил ложку под поток воды, и теплая струя от нее прилетела мне в прямо в лицо.

– Твою мать! – быстро выключил воду, чувствуя, как с лица стекала пенная влага.

Гусыня успела отскочить и только смеялась в стороне.

– Ты хоть раз мыл посуду?

– Нет, – ответил я, стирая с лица капли воды, тыльной стороной ладони.

– Ну, это надо отметить, Рамилька, – веселился батя. – У тебя сегодня дебют на дебюте: и сенокос, и крошка, и баня, и мытьё посуды... И это только половина дня прошла.

Половина одно дня?!

А по ощущениям, что я здесь уже неделю живу и офигеваю от всего происходящего ежесекундно.

– Всё. Помыл, – резюмировал я зачем-то, будто, блин, отпрашивался погулять у своего родного бати.

Что за фигня, вообще, происходит?!

– Ну, иди, раз ты всё, – одобрительно кивнул Николаевич и подмигнул Гусыне. – Детки помыты, покормлены, посуда чистая... Идите, гуляйте, детишки. И парней местных не портить. Слышал, Рамилька?

– Пап! Всё, мы ушли, – цокнула Гусыня, не дав мне и шанса на то, чтобы возмутиться, и фактически вытолкала меня из дома. – Идём уже. Одних нас, поди, ждут.

Глава 8. Рамиль

Волейбольная площадка – слишком громкие слова для того места, на котором собралась компания, чтобы поиграть в волейбол.

Два деревянных столба, рваная грязная сетка, а в качестве разметки просто узкие выкопанные траншеи. Место подачи – вытоптанная яма, что на одной половине площадки, что на другой.

– Ну, что, народ? – набивая мяч, спросил парень, который ещё утром был за рулём шишиги. Витя, кажется. – Разбиваемся на команды по парам?

– Да, – подхватил поц, рот которого не закрывался весь сенокос и, похоже, не закроется и этим вечером. – Я беру Ксюху в свою пару, а вы нам не мешаете.

– Дурак. Они не про это, – фыркнула девчонка, которая Ксюха. – Можно разбиться на команду мальчиков и команду девочек.

– Не. Так не пойдёт, – вклинился очкастый. – Это будет игрой в поддавки.

– И кто будет поддаваться? – спросила Гусыня. В голосе ее блеснула опасная интонация.

– Ну, мы, получается, – ответил, всё ещё набивающий мяч. – Иначе вы опять обижаться будете, что мы выиграли.

– То есть ты хочешь сказать, что у нас в принципе нет против вас шансов? Типа, мы, девочки, слабый пол и балласт для таких крутых типов, как вы?

– Вот не надо тут! – потряс в её сторону указательным пальцем Витя. – Никто так не сказал. Это я к тому, что вы же девочки – хрупкие создания, вас надо беречь и всё такое...

– Про «всё такое» поподробнее, пожалуйста, – заржал Лёха. – Я хочу знать, что конкретно подразумевается под «всё такое», чтобы потом не возникло недоразумений. А-то опять потом от Ксюхи, вооруженной крапивой, через всё село бежать.

– Тебе «всё такое» за твоё вчерашнее поведение не светит ещё лет пятнадцать, – нарочито воинственно заявила девушка, держащая за руку Гусыню.

Видимо, подружки они с ней покрепче, чем с Леной, раз та стоит в стороне и, скрестив руки на груди, наблюдает за всеми, чуть сморщив нос. Но взгляд её, к сожалению, я чаще остальных я ловлю на себе.

– Ну, вот, – вздохнул Лёха горько и обнял обшарпанный деревянный столб, на котором держалась грязная сетка. – Опять Ксюшка не даст мне сегодня себя отвсётакоить. Зря только в бане мылся.

– Давайте уже разобьёмся и поиграем, пока солнце не село, – быстро взяла всех в оборот Гусыня. – Ксюша и Лёша идут в команду ко мне и Рамилю, а Лена, Витя, Стёпа и...

– Недобор, – выпятил нижнюю губу тот, что Стёпа. – Надо еще одного человека.

– Сгоняйте за Лёнькой. Чего ему дома тухнуть?

– Я позвоню ему, – вытянула Гусыня из заднего кармана шортов телефон и быстро набрала чей-то номер. – Да, Лёнь, привет. Чем занимаешься?... Тогда тебе срочно нужно к нам на площадку. Нам как раз одного человека не хватает. Придешь?... Ждём, – отняла телефон от уха и убрала его обратно в карман. – Сейчас придёт. Как раз думал, чем заняться.

– Ну, всё, – махнул Лёха рукой как-то отчаянно. – Сейчас придёт Черная Пятница, встанет к ним в команду, и мы всосём.

– Да ладно тебе, – ткнула его Гусыня в плечо. – Просто внимательнее будь, а не флюиды тут свои разбрасывай. Ксюха уже не знает, куда глаза прятать.

Лёха резко опустил взгляд вниз и проверил ширинку:

– Фух! Ты так не говори! Я уж думал, что выпало чего.

– Дебил, – хохотнула Гусыня и вступила с этим Лёхой в шуточную борьбу.

Устало откинулся на спинку деревянной скамейки и посмотрел в чистое голубое небо. Пора валить домой. Сегодня еще переночую, а завтра свалю отсюда нахрен. Батя, наверное, уже всех собак поднял. Да и друзья уже потеряли меня.

Жаль только, что телефон сдох, и невозможно, проверить, кто звонил, писал, слал голововухи.

– О, здорово, Лёнька! – загалдела толпа.

Опустил голову и увидел странно приближающегося к нам чувака. Он, либо бухой, либо явно под чем-то.

– Привет-привет! – отвечал он всем.

Здоровались с ним так, будто он местная звезда: пожимали его руку, обнимали и похлопывали по спине.

– Встанешь к нам в команду? – спросил его очкастый. – А-то эти все разбились по сладким парочкам, а у нас недобор.

– Это кто у вас тут сладкие парочки? – сказал этот тип. И говорил он как-то замедленно и коряво, будто реально был под какими-то веществами.

– Я с Ксюхой, естественно, и Гүся со своим.

– Он не мой.

– Привет, – обратился ко мне этот поц и протянул руку для пожатия. – Я Лёня.

– Рамиль, – встал со скамьи и нехотя пожал его руку.

– Играем? – спросил Гусыня, уже завладевшая мячом.

– Давайте! – снова этот до тошноты дружный галдёж.

Станный парень встал на противоположной стороне площадки.

– Все ждём скидок от Чёрной Пятницы, – оповестил Лёха всё, блин, село и встал напротив меня под сеткой.

– А он играть-то, вообще умеет? – указал я кивком головы на этого Пятницу. – Может, ему обратно домой, чтобы проспался или лекарство какое принял?

Со всех лиц мгновенно сползли улыбки. Только этот Лёня продолжал улыбаться, но уже несколько снисходительно.

Кто-то резко схватил меня за футболку на плече и потянул в сторону к вытоптанному месту подачи мяча.

– Ты идиот?! – шикнула на меня Гусыня. – У Лёни ДЦП. Нужно объяснять, что это такое?

– Предупреждать, блин, надо! – теперь пришла моя очередь пучить глаза и шипеть ей в лицо.

– Предупреждать о чём?! О том, что нужно за языком следить и оставаться человеком, даже если незнакомый тебе человек пьяный? Он к тебе, вроде, без агрессии и гнилых подкатов обратился. Или нет? – сверкала она гневным взглядом.

– Твою мать! – оборачиваться не хотелось. И так понятно, что там я увижу лишь осуждение на лицах всех собравшихся.

– Извинись, – смотрела мне прямо в глаза Гусыня.

– За что?! Я ничего не сделал!

– И именно поэтому тебя через минуту закопают под одним из столбов. Извинись, и мы начнём игру.

Стиснул челюсти. Никогда ни за что не извинялся и не хотел, потому что не за что было. Но сейчас впервые почувствовал себя отвратительно и жалко. Осуждение на лицах собравшихся было заслужено.

Прошёл по лицу ладонью и, резко вдохнув, повернулся ко всей компании.

На лицах парней чётко читалось желание втоптать меня в грязь и коровье дерьмо. Даже на лице миловидной Ксюши читалось это желание.

Подошёл к Лёне, который всё так же открыто улыбался и, походу, просто ждал начала игры.

– Слушай, это... – замялся я, не зная, какие слова подобрать. – Ты, прости, ладно? Просто, я никогда не... ну... не видел...

– Да забей, – отмахнулся Лёня и улыбнулся ещё шире. – За этот год в универе я привык, что некоторые городские шарахаются от меня или брезгуют. Не все, конечно, но бывает. И тоже, то алконавтом называют, то ещё как... Пока не познакомятся. Нормально всё. Я понимаю.

– Без обид? – протянул я ему руку для пожатия.

– Какие, нафиг, обиды? – пожал он в ответ мою ладонь. – Все свои.

Сгладив внезапно образовавшийся острый угол, вернулся в команду к Гусыне и заметил на ее лице одобрительную улыбку. Народ вокруг тоже расслабился и стал шутить.

– Ну, что, народ? Играем? – спросила Гусыня, готовясь подавать первый мяч.

– Давай, замоторивай! – хлопнул в ладоши Лёха. – Проигравшая по пяти партиям команда тырит картоху для вечернего костра.

Глава 9. Рамиль

– Лови-лови его! – кричала Гусыня, пасуя мне мяч, лежа на земле. – Рамиль!

Отступая назад, в полутьме с трудом разглядел летящий в стратосферу мяч. Прыгнул и ударил по нему ладонью, перекинув на другую сторону площадки.

Команда соперников, в лице очкарика, приняла мяч и дала мягкий пас чуваку, который вполне заслуженно имел прозвище Чёрная Пятница. Таких мощных скидок и каждую одну рукой я еще не видел. Вообще, было невозможно угадать, куда прилетит мяч в этот раз и, самое главное, как?! Как ему удавалась скидывать мяч под самую-самую сетку почти у столба да так, что всем казалось, что мяч, либо не перелетит через сетку, либо, вообще, улетит за пределы площадки?

Грёбанный феномен, блин!

Вот и в этот раз Чёрная Пятница сделал такую скидку, что мне показалось, что мяч улетит в аут. Но нет. Пришлось прыгать на него и падать на живот, чтобы в итоге приземлиться раньше мяча, который, как в насмешку, упал совсем рядом.

– Йес! – заголосила команда напротив. – Новенький пойдёт тырить картоху.

– А чего это сразу новенький? – возмутилась вместо меня Гусыня.

– Ну, так это, – выступил парламентарём Лёха, который играл очень даже достойно. – Новенький-голенький. Забыла детство, что ли?

– Ты думаешь, он знает, как выглядит не жаренная картошка и не в сковородке или тарелке? – иронизировала Гусыня. Подошла ко мне и подала руку, чтобы я уже, наконец, встал с земли.

– Рамиль, ну, ты как-то ответить своей подруге, – слегка растеряно вещал Лёха. – А-то я тоже стал сомневаться в том, знаешь ли ты как выглядит куст картошки.

– Куст? – спросил я, приняв руку Гусыни и встав с земли. – Картоха разве на кустах растёт?

Похоже, меня решили проверить на идиота.

– О-о! – протянули все насмешливо. – Тебе точно нужен гид.

– А я о чём? – фыркнула Гусыня и уж как-то особенно жестко и нервно стала стучать меня по спине ладонью. Вроде, стряхивала пыль, но, казалось, что между делом занималась избиением и ломанием моего позвоночника. – Может, кто-то один сходит? Быстро и зная куст картошка «в глаза».

– Ага, и уедет от нас пацан, так и не узнав, как выглядит картошка на стадии «до сковородки». Сходи с ним.

– Так и знала, что этим всё закончится, – ворчала и вздыхала Гусыня за моей спиной.

– Давайте, я с Рамилем схожу, – будто сделав большое одолжение всему колхозу, вперед вышла эта... которая бесит меня. Лена, кажется. Встав в позу так, будто на фотосессию припёрлась, уставилась на меня, видимо, ожидая, что я с благодарностью упаду ей в ноги за то, что она согласилась пойти со мной, хотя её и не просили.

– Я с Гусей пойду, – заявил коротко и, надеюсь, в этот раз доходчиво для блондинки.

– Не с Гусей, а с Августиной, – будто бы осадил меня Гусыня. На самом деле, вообще пофиг на ее её выверт.

– Но они же все называют тебя Гусей, значит, и мне можно.

Кажется, народ вокруг вдруг затах с особым любопытством стал к нам прислушиваться.

– Они меня, как и я их, знают с детского садика, ещё с тех времен, когда мы на соседних горшках сидели. А с тобой я знакома всего пару дней и не скажу, что это знакомство феерично и прекрасно.

– Ну, хочешь, можем вместе потом на толчке посидеть, – предложил я, прекрасно зная, что Гусыня не оценит мой «душевный» порыв.

– Думаю, после того, что мы там услышим, увидим и почувствуем, мы, вообще, не захотим друг друга знать, – неожиданно для меня она решила просто пошутить. – Так что остановимся на полных именах друг друга.

– Ладно, Августина, – специально выделил её имя. – Пошли воровать твою картошку.

– Но-но! – застопорил меня Лёха. – Ты подожди. Солнце совсем в лес упадёт, потом можно и на дело идти. Сейчас-то палевно.

*

– Мне категорически не нравится вся эта хрень, – шипел я Гусыне в затылок.

– Какая именно? Тебе много чего не нравится. Конкретизируй, – ответила она не обернувшись. Лишь продолжила пялиться через забор из травы, в которой мы сидели на корточках и ждали, когда во дворе, из которого мы собрались тырить картошку, замолкнет собака и скроется в будке. Хотя мне казалось, что скорее в мою задницу проберется какой-нибудь жук или червяк, пока мы тут сидим и ждём тишины.

– Вся хрень. Тут невозможно выбрать что-то одно. Сначала эта стрёмная площадка волейбольная с грязными столбами и сеткой. Хотя мы сейчас прошли мимо нормально освещенной площадки, где были нормальные металлически столбы и чистая сетка...

– Это детская! игровая площадка, и там играют только дети, и только в пионербол. Иди и предъяви детям, что они так сильно обнаглели.

– Ладно, – нехотя согласился я, но, так как уже завелся, то остановиться было сложно. – А ещё этот костёр... у реки, под каким-то вонючим деревом, ещё сидеть на каких-то палках. Будто обряд какой-то... Гитара ещё эта...

– Если это поможет тебе успокоиться и перестать ныть, то можешь поставить палку вертикально и сесть на неё, – отчеканила Гусыня нервно шипя.

Не сразу догнал, на что был намек, а когда понял, повалил её назад и уложил на лопатки.

– Я тебе сейчас так сяду на вертикальную палку! – рыкнул я и пробежался пальцами по её рёбрам, вынуждая девчонку сменить дерзость на тихий смех.

– Засранец, блин! – задыхалась она от смеха. – Так нечестно! Я всё папе расскажу!

– А нехер мне тут про палки вертикальные шутить, – с удовольствием продолжал щекотку и уворачивался от тонких рук, намеревающихся зацепиться за мои волосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.